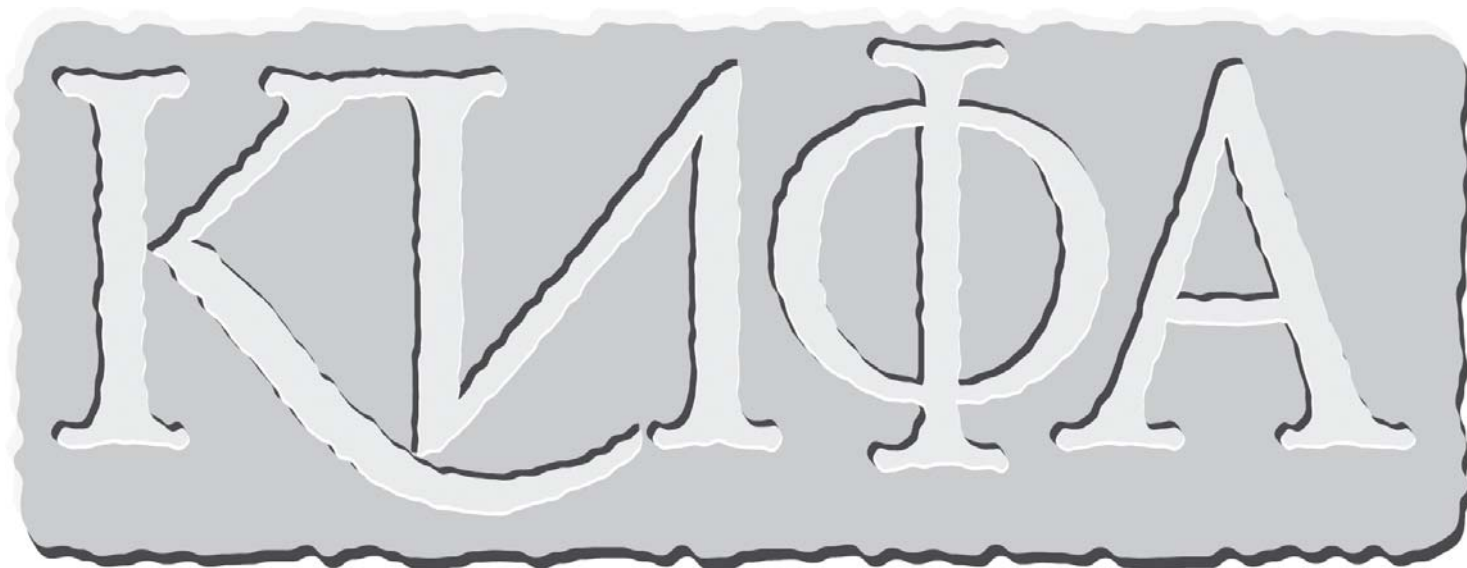

10 (36)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕННОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВОКТАБРЬ
2005в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

В МОСКВЕ ПРОШЛА МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «О МИРНОМ И НЕПРИМИРИМОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗЛУ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ»

Открытие конференции. Слева направо: акад. Ю.Н. Афанасьев, свящ. Михаил Прокопенко, проф.-свящ. Георгий Кочетков, еп. Серафим (Сигрист), переводчик Н.С. Кольцова, проф. Н.А. Струве

28-30 сентября в Москве прошла организованная Свято-Филаретовским православно-христианским институтом (СФИ), журналом «Вестник Русского христианского движения» и Российским государственным гуманитарным университетом международная научно-богословская конференция «О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе».

Пятнадцатая в ряду традиционных осенних конференций СФИ, она вновь, как и в прошлом году, не только через свое название, являющееся косвенной цитатой из статьи «Будущее христианства в Европе», но и самим содержанием была обращена к памяти и жизненному опыту С.С. Аверинцева.

На торжественном открытии конференции с приветствием выступил со-

трудник Отдела внешних церковных связей Московского патриархата свящ. Михаил Прокопенко. «Важно, что сегодня тема противостояния злу собрал людей, которые всецело преданы этому христианскому делу», — сказал он. В своем слове он отметил бурный рост Русской православной церкви в наше время и связанные с этим сложности, важнейшей из которых является наличие различных внутренних течений и групп. Но огромным достижением РПЦ, по словам о. Михаила, является сохранение целостности церкви, то, что она «не дала растянуть себя по партийным группировкам», собрав и примирив всех «разномыслящих» у еucharистической чаши. Опасность церковных расколов о. Михаил считает одним из страшных зол, с которым надлежит бороться, опираясь на опыт прошлого, и особенно — послереволюционных лет в России. О. Георгий Кочетков поблагодарил руководство ОВЦС МП за внимание, проявленное к конференции СФИ.

Продолжение темы на сс. 3, 6-8

ХРИСТОС ВСЕГДА ВЕДЕТ НАС В БУДУЩЕЕ

Интервью с еп. Серафимом (Сигристом)

«Кифа»: В своем докладе Вы противопоставили психологическую и эсхатологическую перспективы трезвения — обращенность лишь к собственной душе, ее грехам, ее нравственному совершенствованию и обращенность к пути Церкви в истории, к нашему участию в этом пути. Возможно ли, по Вашему мнению, соединение той и другой перспективы и каковы препятствия?

Владыка Серафим: Я думаю, нам нужно искать полноты знания Христа и знания Бога, в т.ч. иметь и знание о себе. Это то, с чем согласились бы отцы любых веков. Однако тут есть опасность эгоцентрически поставить конечной целью именно это: знать все о себе. Но наше знание о себе подлинно только в свете Христа, а Христос всегда ведет нас в будущее. Так апостолам после Воскресения было сказано: «Он предвратит вас в Галилею».

«Кифа»: В истории представление о церкви воинствующей в первую очередь связывалось с монашеством. Каким в этом контексте Вы видите место семейных мирян и воплощение призыва апостола к имеющим семьи быть «как не имеющие»?

Владыка Серафим: Есть псалом, в котором говорится: «Как хорошо и приятно быть братьям вместе». Но если переводить само еврейское выражение, то скорее получается: «Как хорошо быть каждому в своей внутренней целостности» — и быть вместе.

Призыв быть вместе, быть в союзе относится к личности. Я думаю, что в христианской духовной жизни мы должны избежать двух соблазнов. Один соблазн — это соблазн толпы, массы, коллектива. А другой соблазн — это соблазн эгоизма. Т.е. уже в самых началах христианской жизни заложено соединение монашества (от слова «монос» — один) и семейной, брачной жизни — т.е. пребывания вместе. Каждый призван к тому, чтобы быть с кем-то вместе — и каждый призван к тому, чтобы быть одному. Можно сказать, что как раз этот синтез одиночества и союза явлен в общине.

«Кифа»: Каково, на Ваш взгляд, значение отца Сергея Булгакова и его школы в возвращении в церковное сознание эсхатологической перспективы?

Владыка Серафим: Я бы не хотел говорить о его философии в целом. В своем докладе я цитировал его автобиографический дневник. Историческая церковь, с его точки зрения, — это некая проблема. Но когда он думает о грядущем Христе, то в нем есть покой, и он вполне удовлетворен той церковью, которая есть. И в связи с этим он понимает значительность того времени, в котором ему довелось жить. Отец Сергей умер в 1944 году. Он был верным православным свидетелем в это время войны, Холокоста и других испытаний вместе с новомучениками — матерью Марией (Скобцовой) и отцом

Фото Анатолия Мозгова

Дмитрием Клепининым. И эти святые как раз являют замечательный пример сочетания внутренней жизни и свидетельства миру со всеми его проблемами.

ЕПИСКОП СЕРАФИМ (СИГРИСТ) (Нью-Йорк, Американская православная церковь) — магистр богословия. Автор статей и монографий богословского содержания: «Железная дорога Млечного Пути», «Богословие чуда», «Проповедь о радуге», «Мерцание». Член попечительского совета Свято-Филаретовского института. Участник многих научно-богословских конференций.

В номере:

«Деятельность движения возможна только на многонациональной основе»

О плодах паломничества братства «Сретение» в Париж и о сегодняшней жизни РСХД размышляет главный редактор журнала «Вестник РХД» Н.А. Струве с.2

Некоторые богословские основания необходимости и возможности перевода богослужебных текстов с древних на современные языки

Доклад ректора СФИ свящ. Георгия Кочеткова, прочитанный на конференции Синдесмоса «Литургический язык и перевод»

сс.4-5

«Важно быть не сторонним наблюдателем какого-то действия, а именно участником»

Интервью профессора Д.В. Поспеловского с.6

«Зло накапливается и не так легко изгоняется прочь»

Интервью свящ. Владимира Зелинского с.7

Вы нам писали...

В своих письмах в газету наши читатели размышляют о конференции СФИ и рассказывают о делах милосердия, в которых участвуют члены Преображенского содружества с. 9

Сергей Сергеевич Аверинцев: воспитание разума

Актовая лекция О.А. Седаковой на открытии учебного года в Свято-Филаретовском институте сс.10-11

Андрей Рублев в Италии

О конференции в Бозе рассказывает один из ее участников, преподаватель церковной археологии А.М. Копировский с.12

Университет взаимного обогащения

Встрече народного артиста С.Ю. Юрского со Свято-Архангельским братством посвящен второй выпуск «Миссионерского обозрения»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ВОЗМОЖНА ТОЛЬКО НА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЕ

Интервью гл. редактора журнала «Вестник РХД» Н.А. Струве

Фото Ильи Пральникова

Храм РСХД в Париже.

Кифа: Никита Алексеевич, как было воспринято православными парижанами паломничество братства «Сретение» в Париж в апреле этого года?

Н.А. Струве: Думаю, что по-разному. Некоторые особенности братства иногда вызывают недоумение. Тем не менее, я считаю, что встреча с братством «Сретение» оказала положительное влияние на всех нас, как явление одного из образов возрождения церкви в России, с которым многие французские православные не имели и не имеют случая встретиться. В частности, если говорить о Русском Студенческом Христианском Движении (РСХД), к которому братство близко по своим устремлениям, то визит способствовал некоторому оживлению движенической деятельности и желанию вернуться к более осмысленной молодежной работе, к работе съездов и кружков движения, тех съездов, которые были заменены в 70-х годах съездами *fraternité*.

Кифа: Т.е. Западноевропейского братства?

Н.А. Струве: Да. Западноевропейское братство, как постоянное движение уже почти не существует. В основном это попытка время от времени собирать православных разных национальностей вокруг богословских вопросов. Сколько-нибудь широко охватывающая деятельность движенического типа может быть только на многонациональной основе обращенных в православие французов и офранцузенных русских, офранцузенных греков, румын, сербов и т.д. В этом значение больших съездов т.н. Западно-Европейского братства, которые с успехом собирают православных разных национальностей, но делают это всего лишь раз в три года. Так что региональные съезды нашего

Движения тоже имеют полное право собираться. Вот, например, этой весной прошел съезд на севере Франции, который собрал в основном, членов Движения, но и новообращенных бельгийцев, немцев, голландцев. Он был успешным и, надеюсь, будет иметь продолжение.

Кифа: Простите, когда был этот съезд?

Н.А. Струве: Он был недавно, в июне текущего года, уже после паломничества братства «Сретение». Отчасти эта инициатива выросла тоже из визитов членов Синдесмоса в Россию, а заодно и посещения братства. Здесь имеют важное значение как наши посещения России, так и ваши посещения Запада. Думаю, что это полезно и для тех, кто стоит на так называемой «русской» позиции, но кто плохо знаком с русской действительностью вообще и действительностью Русской церкви в частности. В частности, они имели возможность увидеть на примере братства «Сретение» один из обликов возрождения православия в России.

Кифа: Нам было приятно узнать, что в Русской архиепископии Вселенского патриархата начались курсы катехизации для взрослых. Не могли бы Вы об этом рассказать более подробно?

Н.А. Струве: Они только что, в 20-х числах октября, начались и, говорят, успешно - записалось около 30 человек.

Новоприезжих русских нужно образовывать в церковном смысле, интегрировать в наш социум, в наши приходы и наши общины, что почти не делалось. Мало где в приходах ведется систематическая катехизация. Посмотрим, насколько это удастся сейчас. Собрания протекают в приходе Казанской Божьей Матери, где настоятелем о. Владимир Ягелло.

Фото Евгения Фоминых

Во время паломничества братства «Сретение» в Париж.

Слева направо: Н.А. Струве, архиепископ Гавриил (де Вильбер), свят. Георгий Кочетков

КАК ПОСТРОИТЬ ПОМЕСТНУЮ ЦЕРКОВЬ?

Епархиальная конференция, организованная архиепископией, окормляющей приходы русской традиции в Западной Европе, относящиеся к Вселенскому патриархату, прошла 1 октября 2005 г. в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже. Встреча, первая в таком роде, прошла под названием «Как построить поместную Церковь?». Доклад на такую тему прочитал епископ Каллист (Уэр), викарный епископ Вселенского патриархата в Великобритании, заслуженный профессор Оксфордского университета, автор многочисленных книг и статей по проблемам богословия, истории и духовности Православной Церкви. В конференции приняли участие около ста человек, в числе которых примерно двадцать священнослужителей из Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Дании. Перед встречей прошла торжественная литургия, которую отслужил епископ Михаил, настоятель Свято-Сергиевского прихода, в Свято-Сергиевском храме. Ему сослужили протоиерей Николай Озолин и архимандрит Иов (Геча), оба - клирики Свято-Сергиевского прихода и профессора Свято-Сергиевского института.

Заседание было открыто пением «Царю небесный» и небольшим приветственным словом архиепископа Гавриила, который поблагодарил преосвященного Каллиста за его любезное согласие выступить на данной конференции, и преосвященного Михаила за его присутствие здесь. Затем Михаил Соллогуб, профессор Сорбонны (Париж 1, Пантеон) и секретарь совета архиепископии, в чьи обязанности входило регламентировать прения, обратил внимание на задачи данной конференции, подчеркнув, что это первая попытка такого рода, принятая по инициативе епархиального управления с благословения преосвященного Гавриила. Он отметил, что такие конференции, открытые для всех, отныне нужно проводить ежегодно, поскольку общие епархиальные собрания для клира и мирян, проходящие раз в три года и сосредоточенные, к сожалению, в основном на административных и материальных вопросах, не позволяют углубляться в вопросы первостепенной важности. В результате, продолжил он, перед лицом таких тем, как поместная Церковь, «тема, которая давно уже волнует всех нас» и которая «в последние годы стала особенно острой», нам следует двигаться не в сторону «конфронтации», а в сторону «углубления мысли». Епархиальная конференция вполне вписывается в движение в этом направлении и продолжает работу мысли по вопросу построения поместной Церкви, начатую Церковью на пасторском собрании 1 ноября 2004 г. и продолженную в ходе расширенного заседания совета архиепископии 23 июня 2005 г.

Затем преосвященный Каллист прочитал свой доклад, в котором были подняты три тематических пласта. В первом, опираясь на чтение «Пастыря» Германа, он напомнил о смысле Церкви как «тайны» («mysterion»), в которой является себя Тело Христово: «Церковь не организация, это не общество и не корпорация, это скорее организм, тело, богочеловеческое, теоантропное тело, Тело живого Христа». «Если мы хотим построить поместную церковь, не стоит недооценивать эту основополагающую реальность: Церковь как тайну, тайну живую и вездесущую, тайну божественной благодати», - заметил он, подчеркнув затем, что «на земле специфическая задача Церкви состоит прежде всего в ехаристическом служении». Из такой «евхаристической экклезиологии» вытекают «три принципиально важных следствия»: во-первых, «Церковь организована по территориальному, а не по этническому принципу»; во-вторых, приход в качестве места евхаристического собрания по преимуществу обладает первостепенной важностью; в-третьих, в одном конкретном месте «не может быть больше одного епископа».

Во второй части доклада он перешел к проблемам, связанным с канонической организацией православных общин «диаспоры»: «Мы согласны с [...] нашей долгосрочной задачей: на всяком месте

должен быть один-единственный епископ; и все епископы в каждой стране или регионе должны быть объединены вокруг одного и того же поместного митрополита, в соответствии с принципами 34-го апостольского канона. Но у нас все еще нет согласия по вопросу о том, каким путем можно решить данную задачу». Однако, - продолжил он, - «если мы зададимся вопросом: «Сверху или снизу придет православное единство?», единственным конкретным ответом, на мой взгляд, будет «С обеих сторон!». В самом деле, окончательное решение может дать только всеправославный собор («сверху»), но оно подразумевает также «поиск единства на местном уровне» («снизу»): «Единство — ничто иное, как дар, это задача, которую еще нужно воплотить в жизнь. Каноническое единство, формирование истинной поместной Церкви совершится лишь тогда, когда возгорится пламенное желание, возникнет всемогущее и непреодолимое чувство крайней необходимости, и возникнет у всех членов Церкви повсеместно». Поэтому что, - добавил он, - «ни вселенский собор, ни Константинопольский патриархат, ни Московский патриархат, никакая другая Церковь сама по себе, не могут создать новую поместную Церковь. Самое большее, что они могут сделать, это признать таковую Церковь. Но акт ее создания должен совершиться на месте, поместно».

Фото Евгения Фоминых

Свято-Сергиевское подворье в Париже.

В третьей части преосвященный Каллист заговорил о «писеме Московского Патриарха Алексея II от 1 апреля 2003 г.», в котором предлагается создать единый митрополичий округ, объединяющий приходы русского основания и русской традиции в Западной Европе, относящиеся к различным юрисдикциям, под властью Московского Патриархата.

За докладом последовала острая дискуссия, где прозвучали самые разные мнения.

В своем итоговом выступлении Преосвященный Гавриил поблагодарил за качество обсуждения, при котором была возможность прозвучать всем мнениям, имеющимся в архиепископии. «Нужно вместе собираться, говорить друг с другом, чтобы вместе ответить на эту задачу построения поместной Церкви», - сказал он, - потому что «наша миссия — основать поместную Церковь и жить в ней», конечно, не в одиночестве, но с православными других юрисдикций, присутствующих в нашей стране, не в разрыве с нашими материнскими Церквями или церквями, с которыми мы связаны по происхождению, но с их поддержкой и одобрением. «Разумеется, никто не требует забыть свои религиозные или культурные корни», - добавил он еще в адрес тех, кто обеспокоен растворением своей русской идентичности в поместном православии: «Свою веру, традицию, культуру вы получили от ваших отцов, и это прекрасно, но сегодня ваша очередь передать эту веру и эту православную традицию вашим детям».

В полном виде материал размещен на сайте: <http://www.exarchat.org/>

В Александро-Невской лавре установлен памятник пострадавшим за веру Христову

Памятник пострадавшим за веру Христову установлен 22 сентября 2005 года в Санкт-Петербурге напротив Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры. Этот монумент поставлен в память о сотнях тысяч верующих, погибших в годы атеистических гонений XX века.

Автором двухметрового гранитного креста с иконой Спасителя посередине, выполненного в новгородском «триумфальном» стиле, стала Эвелина Соловьева. Ранее в главном монастыре северной столицы была установлена памятная стела в честь 2000-летия Рождества Христова, выполненная по проекту этой художницы. Памятник новомученикам и исповедникам Российским изготовлен в каменотесной мастерской производственного объединения «Возрождение».

«За веру Христову пострадавшим священнослужителям, монашествующим и мирянам, новомученикам и исповедникам. Страданиями вашими да утвердится Русь», — эта надпись начертана на лицевой стороне креста. «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы», — эта евангельская строка запечатлена на обратной стороне.

Свято-Сергиевский богословский институт в Париже отметил свое 80-летие

Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, отмечающий в этом году 80-летие, провел с 5 по 8 октября международный научный семинар «Институт св. Сергия: вчера и сегодня».

7 октября состоялась презентация французского издания воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского), одного из учредителей института, сообщает сайт Orthodoxie.

Основанный в 1925 году, Свято-Сергиевский институт является старейшей православной богословской школой в Западной Европе. Институт оказал ог-

ромное влияние на духовное становление Русского Зарубежья. В институте преподавали протоиереи Сергей Булгаков, Василий Зеньковский, Николай Афанасьев, архим. Киприан (Керн), епископы Кассиан (Безобразов), Вениамин (Федченков), историки А. Карташев и Г. Федотов.

В настоящее время здесь учатся студенты из Франции, России, Румынии, Греции, Белоруссии и других стран мира.

По материалам информационного агентства «Благовест-инфо»

В Петербурге прошла международная конференция «Социальная этика в богословском и религиозном образовании»

5 - 7 октября в Санкт-Петербурге прошла международная конференция «Социальная этика в богословском и религиозном образовании», собравшая преподавателей религии и богословия государственных и негосударственных светских вузов, конфессиональных учебных заведений (православных, католических и протестантских семинарий, академий, университетов) из России, Белоруссии, Украины, Латвии, Литвы и Болгарии. Участники выразили согласие с положением социальной концепции Русской Православной Церкви о том, что в светской школе недопустимо «намеренное навязывание учащимся антирелигиозных и антихристианских идей, утверждение монополии материалистического взгляда на мир» (п. 14.3), а также с аналогичными заявлениями представителей иных Церквей и вероисповеданий.

Была принята и подписана совместная Декларация, отражающая единство взглядов участников на перспективу развития религиозного образования в Восточной Европе на основе широкого сотрудничества светской системы образования с религиозными объединениями,

межконфессионального диалога и партнерства. Было отмечено, что современное религиозное образование не может быть продуктивным без опоры на достижения как светского религиоведения, так и богословских наук.

Участники приняли решение об учреждении Ассоциации преподавателей религии и богословия в Восточной и Центральной Европе (АПРИБ), целью которой является содействие развитию системы богословского и религиозного образования в странах посткоммунистического пространства. Ассоциация призвана стать международной общественной организацией, объединяющей на основе профессиональных интересов богословов, ученых и педагогов, занятых в сфере богословского и религиозного (как конфессионального, так и светского) образования.

Текст принятой Декларации будет размещен на сайте Межцерковного Партнерства «Апостольский город — Невская перспектива» по адресу: www.pimen.ru.

По материалам информационного агентства «Благовест-инфо»

В Москве прошла международная научно-богословская конференция «О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе»

Начало на с. 1

Доклад еп. Серафима (Сигриста) (Американская православная церковь) сразу поставил обсуждение в эсхатологическую перспективу. По словам докладчика, именно этот контекст проблемы противостояния злу церковь отчасти утратила в константиновский период своей истории. Углубившись в аскетическое противостояние злу в собственной душе каждого ее члена, она как бы вышла тем самым из исторического времени в его устремленности к метаистории.

Ректор Свято-Филаретовского института, проф.-свщ. Георгий Кочетков в своем докладе, посвященном нашему современному контексту мирного и непримиримого противостояния злу, подчеркнул, что вопрос о различении добра и зла — это один из наиболее «взрослых» вопросов. По словам докладчика, главным обличьем зла в современном обществе — расколотости, неискренности человека и его индивидуализму, проявляющимся прежде всего в необщительности и неблагодарности, можно противостоять исцелением. Исцеление же связано только с одним — с вдохновением, через которое только и возможно переплавить все внутреннее существо человека. Но такое спасение «от рода сего развращенного» невозможно в одиночку, для него необходимо общение в единении и любви. Местом такого общения может стать духовная семья, существующая в форме общины, братства или в какой-либо иной.

Редактор журнала «Вестник РХД» Никита Струве (Париж) обратился к теме границ толерантности, невозможной в тех случаях, «когда имеешь дело с властью, насаждающей нечто недолжное или с ложью». И то, и другое докладчик связал прежде всего с «богоубийственной, а вследствие этого и человекоубийственной» советской властью. Вспомнив опыт митр. Евлогия,

описанный Мережковским как тихое «нет», которое, каким бы тихим оно ни было, все равно не становится «да», Н.А. Струве обратился и к сегодняшнему опыту православной русской эмиграции, столкнувшейся с ложью и клеветой. Он подчеркнул, что для противостояния лжи очень важно трезвение как поиск наибольшей чувствительности к подлинности.

В центре доклада доктора ист. наук, президента РГГУ Ю.Н. Афанасьева «Мера терпимости в отношении к злу в российском обществе» оказалась проблема смешения добра и зла, неразделимости в советской действительности палача и жертвы, которые часто, меняясь местами, присутствовали в одном человеке. Именно в этом ученый видит причину того, что не произошло активного неприятия, не индивидуального, а общего осуждения советской эпохи — эпохи, когда ложью жили едва ли не большинство людей.

Фото Евгения Фоминых

Продолжение на сс. 6-8

Литургия святого Апостола Иакова будет совершена в день его памяти в Свято-Николаевском Патриаршем соборе Нью-Йорка

5 ноября 2005 года в 10 часов утра в Свято-Николаевском Патриаршем соборе Нью-Йорка епископ Зарайский Меркурий, управляющий Патриаршими приходами в США, возглавит служение древней литургии святого Апостола Иакова, брата Господня по плоти.

Еще в древней Церкви было предание о том, что святой Иаков, брат Господень, составил литургию, которая первоначально совершалась в Иерусалиме. Святой Прокл, Патриарх Константинопольский и ученик святителя Иоанна Златоустого, в сочинении «О предании Божественной литургии» в числе тех, которые устроили обряды совершения таинств и предали их Церкви письменно, упоминает Иакова, «который получил в жребий Иерусалим-

скую Церковь и был первым ее епископом»; далее определяя, как составились литургии святителя Василия Великого и святителя Иоанна Златоустого, он указывает на литургию Иакова, как на основу, из которой произошли обе литургии.

Эта литургия была распространена в древности по обширной области востока и частично на западе, это было приблизительно до IX века. Она сохранялась в Палестине, на Кипре, Закинфе, на Синайской Горе и в Южной Италии. Однако, постепенно она стала выходить из употребления, так как литургия святителя Иоанна Златоуста, благодаря возвышению Константинополя, вошла постепенно во всеобщее употребление.

Вопрос о необходимости адекватного восприятия и разумного понимания богослужения в Православной церкви всегда решался положительно. В богослужении всегда существовали и использовались переводы литургических текстов на языки самых разных народов. Однако в последнее время одной из серьезных проблем в Русской православной церкви стало отсутствие общецерковного признания не только необходимости, но даже возможности переводов православного богослужения на русский язык. До сих пор не только не актуализированы, но даже осуществляются попытки оспорить соответствующие решения Поместного собора 1917-1918 гг. Хотя этот вопрос не является догматическим и даже в собственном смысле слова богословским, дискуссия по нему церковно весьма значима. Поэтому далеко не случайно этот вопрос оказался в центре внимания конференции, организованной молодежным международным православным братством Синдесмос в августе 2005 года. Мы познакомили читателей с общим ходом конференции («Кифа» № 35, с. 3), теперь же публикуем один из прочитанных на ней докладов. Автор доклада, проф.-свящ. Георгий Кочетков занимается литургическими переводами в течение нескольких десятилетий. Это не чисто академический интерес: многие из переводов звучали на богослужении в 1991-1994 гг. во Владимирском соборе Сретенского монастыря, в 1994-1997 гг. — в храме Успения Божьей Матери в Печатниках. Эта практика, осуществлявшаяся (наряду с миссионерскими и катехизическими встречами) в приходах, объявивших себя миссионерскими, привела к двоякому результату. С одной стороны, множество людей, прежде неверующих и нецерковных, пришли к Богу и в Церковь. Храмы, где служил о. Георгий, всегда были переполнены; многие, кто начинал в них свой церковный путь, становились прихожанами других московских храмов. С другой стороны, околоцерковные фундаменталистские силы начали многолетние гонения и на о. Георгия Кочеткова, и на собравшееся вокруг него братство. Эти гонения, открывшиеся в 1993 г. статьей в шовинистической газете «Русский вестник» (автор выражал глубокое возмущение тем, что молитвы переводят на русский язык — «язык банщиков в Сандунах») продолжились в течение многих лет и привели сначала к переводу о. Георгия и одной из его приходских общин в храм Успения в Печатниках, потом к трехлетнему запрету в священнослужении. Конечно, при этом в качестве официальной причины тех или иных наказаний обычно не упоминалось использование в богослужении русифицированных текстов, но для всех было очевидно, что подлинная их причина — в непрекращающемся давлении фундаменталистов на иерархию. В ряду же основных обвинений, выдвигавшихся против о. Георгия в бесчисленных публикациях, на конференциях и т.д. перевод богослужения на русский язык стоял в первом ряду. Тем не менее о. Георгий Кочетков не оставил своих трудов по литургическим переводам. Переводы основных богослужебных текстов — Вечерни, Утрени и Литургии св. Иоанна Златоуста претерпели несколько редакций, были неоднократно переизданы и пользуются огромным спросом среди православных священнослужителей и мирян. Издаются и переиздаются и другие переводы о. Георгия. В настоящее время в их число входят русифицированные тексты литургий свв. Василия Великого, Григория Двоеслова и ап. Иакова, чинопоследований прочих таинств и основных треб и многие другие. В течение последних лет вокруг о. Георгия собралась группа профессиональных филологов — молодых переводчиков, один из которых — преподаватель церковнославянского языка в СФИ Кирилл Мозгов — также активно участвовал в конференции Синдесмоса.

ВЕРНОСТЬ ВЕРЕ АПОСТОЛОВ

Доклад ректора СФИ проф.-свящ. Георгия Кочеткова
«Некоторые богословские основания необходимости и возможности перевода богослужебных текстов с древних на современные языки», прочитанный на конференции Синдесмоса «Литургический язык и перевод», г. Брюль, 24-29 августа 2005 г.

Обращаясь к богословским основаниям богослужебного перевода, мы невольно апеллируем к существу нашего исповедания — к вере в Дух и Смысл (Логос) и в полноту духа и смысла в Церкви, которые возможны только в условиях духовной свободы, дарованной нам Христом. Вспомним в этой связи, что ап. Павел недвусмысленно отрицает всякую веру в букву, столь характерную, скажем, для иудаизма или мусульманства: ведь «буква убивает, а дух животворит».

Православная экклезиология предполагает возможность усвоения даров Христовой жизни в Церкви, а значит во все эпохи, во всех народах, во всех землях, на всех континентах, при любых обстоятельствах. И зависимость здесь строится не по линии буквального воспроизведения Предания, а по линии духовного понимания этого же самого Предания, которое дано и задано нам Христом и Его апостолами.

Поэтому от известной со времен свв. Кирилла и Мефодия «трехязычной ереси» можно довести дело до настоящей ереси христологического и экклезиологического или пневматологического свойства, и не случайно мы считаем, что борьба за духовную свободу, за торжество любви и за истину в церкви есть борьба за дух и смысл в ней, т.е. за пневматологичность и логистичность нашей веры и жизни. Если же кто-то в церкви придерживается веры в букву, то он должен знать, что этим умаляется и пневматологичность, и христологичность церковной жизни. Более того, мы хорошо знаем, что происходит, когда начинается уклонение к такому, как правило, опасному, охранительному буквализму. В этом случае возникают тенденции фарисейско-фундаменталистского свойства, которые, безусловно, особенно опасны для церкви и которые сегодня представляют собой основную опасность именно для Восточной церкви, в том числе и для церкви Русской.

Мы любим осуждать фундаментализм, скажем, исламский или какой угодно другой, но почему-то неохотно осуждаем православный фундаментализм. Мы как бы стыдимся собственного фундаментализма, при этом часто горячо поддерживая не просто здоровую традиционность нашей веры, а именно традиционализм, как отражение, в общем-то, уже некоей крайности в воззрениях на формы существования традиции, явленные в истории, в историческом времени, церковью или через церковь.

Вот в этом контексте и существует богословский аспект вопроса о возможности или невозможности, адекватности или неадекватности переводов богослужебных текстов, так же как и переводов Священного писания, на современные языки. Ставить эти вопросы и отвечать на них крайне важно, ведь тут можно прийти, например, к тому убеждению, что любой перевод неадекватен и что каждая буква Писания, а вслед за этим и богослужения как «закона молитвы», и даже писаний святых отцов и крупнейших богословов или соборов, является непогрешимой. Вот это было бы страшнее всего, хуже любого католического «папизма».

Если мы под Писанием в первую очередь понимаем плоды Откровения, а под Преданием — плоды Богопознания, выразившиеся в тех или иных исторических формах, то признание переводимости церковного богослужебного писания и предания становится признаком нашей верности вере апостолов и их учению. Если же мы принципиально отрицаем переводимость по духу и смыслу и Писания, и Предания, то мы,

конечно, уклоняемся в фундаментализм и, вообще говоря, в иудейство. Это можно было бы даже назвать ответвлением «ереси жидовствующих». Интересно в связи с этим заметить, что наши фундаменталисты пытаются как раз всё перевернуть и именно тех, кто стоит за перевод богослужебных текстов, обвинять в некоем «жидовстве».

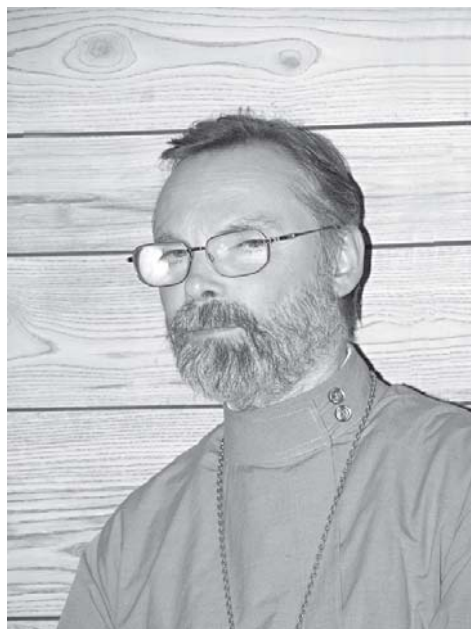
Но, обозначив эти принципиальные богословские основания перевода, не говорим ли мы таким образом о том, что здесь нет особенных проблем, кроме ряда периодически воспроизводящихся заблуждений, которые достаточно легко устраняются, стоит только нам вспомнить аутентичную христианскую традицию? Существуют ли всё-таки какие-то серьезные специфические проблемы перевода?

На наш взгляд, такие проблемы существуют. Конечно, все переводы богослужебных текстов должны быть филологически достаточно точными, верными, но они должны быть еще и богословски адекватными. Это означает, что переводчики должны очень хорошо понимать церковную традицию, ее знать и богословски правильно выражать. При этом все тексты при переводе должны не потерять свою молитвенность.

Здесь надо учесть, что именно в богослужебных текстах есть определенная дополнительная свобода. Ибо, во-первых, всегда есть возможность один и тот же текст в разных местах богослужения перевести немного по-разному в зависимости от контекста, а иногда и в зависимости от того, когда и кем он переводится. До сих пор в церковном употреблении сохранились одинаковые тексты, переведенные несколько по-разному. Правда, со временем эти разночтения в основном были вычищены, но тем не менее где-то на периферии нашего богослужения они есть. Во-вторых, определенная свобода существует в богослужебных текстах и потому, что они более поэтичны, а значит, немного более свободны по самому своему жанру. Они как бы менее философичны, чем, например, догматы, если подразумевать под этим свойство быть системой, а не только некий способ мышления и познания. Правда, иногда сами богослужебные тексты в свою очередь становятся основой для тех или иных дальнейших догматических формулировок или, во всяком случае, рассуждений. И для нас это тоже очень важно, потому что есть своя проблема в том, что иногда богословские формулы излишне ограничивают христианскую свободу. Они часто понимаются излишне узко или слишком привязываются к той или иной культурной и философской традиции, в то время как поэтические тексты бывают больше связаны с жизнью сердца, с переживанием духовного опыта и с попыткой сохранить его во всем многообразии.

Это совсем не означает, что так бывает всегда. Иногда бывает и наоборот. Иногда поэзия забредает в несколько странные дебри. Достаточно взять, например, ряд стихир и акафистов или других образчиков позднего литургического творчества. И даже в канонах, а не только в акафистах, бывают очень странные мысли: иногда в них муссируются темы законнические и юридические, темы юдофобии и ненависти к еретикам и грешникам.

Это же касается очень многих сюжетов некоторых праздников, которые иногда бывают основаны на чисто апокрифических преданиях, на поэтических апокрифических пластах церковного сознания, причем иногда эти моменты в богослужебных текстах, как именно

более красочные, как более расцвеченные фантазией, муссируются и еще дальше развиваются. Так мы знаем, как опасно иногда развиваются богородичные сюжеты, сюжеты, связанные с почитанием икон или перенесением мощей и подобными вещами. Если богослужебный текст берет за основу некоторый апокриф, он может расцвечивать его сколько угодно. И многие люди, воспринимая это буквально, рискуют впасть просто в суеверие. Я уже не говорю про отражение в наших молитвах исторически обусловленных взаимоотношений между народами, государствами и т.п. Или возьмём, допустим, какие-то недостаточно определенные по смыслу исторические события. Скажем, отношение к тем или иным не вполне основательно осужденным в качестве еретиков людям, что потом вошло в богослужебное предание и теперь становится тормозом, например, на пути богословского сближения церквей. Достаточно вспомнить о диалоге с так называемыми монофизитскими и несторическими церквями и традициями. Отчасти то же самое происходит и с католической традицией.

Очень опасной бывает здесь и недостаточная языковая ясность, потому что она может привести буквально к ереси. Мы это часто имеем в не очень четких, а иногда даже по-своему ошибочных переводах с греческого на церковно-славянский и русский языки.

Из сказанного следует, что перевод богослужения даёт церкви очень хорошую возможность пересмотреть свое предание, все, что оно вобрало в себя на протяжении длительного времени. Потому что именно когда ты переводишь текст, ты должен максимально вникнуть в его смысл и контекст. И это дает возможность лучше оценить все пласты связанного с ним предания: какие из них самые глубокие, самые ценные, а какие нет.

Конечно, здесь могут возникнуть и разногласия. Тогда на эту тему в церкви нужно вести диалог, но ей не нужно бояться этих разногласий. Совершенно же ясно, что несколько антисемитские высказывания неких византийских риторов вряд ли приемлемы для современного церковного сознания, но они и сейчас могут питать, наряду с излишне монархическими, государственно-симфоническими и т.п. воззрениями, современную духовную церковную жизнь. Впрочем, они скорее её не питают, а отбрасывают куда-то назад.

Делая переводы, мы должны все это оценивать и обсуждать. Мы должны исходить не только из опыта прошлого, но и того опыта, который открывает

нам Господь сейчас. Мы не должны здесь уподобляться не самым лучшим протестантам, которые берут только один какой-то пласт предания и забывают об остальных. Мы критикуем протестантов, но часто поступаем точно так же. Причем они-то, как правило, берут очень качественные пласты, прямо связанные со Священным писанием, а мы нередко можем довольствоваться менее качественными и даже совсем маргинальными пластами святоотеческого и богослужебного предания церкви, в том числе такими постановлениями соборов и аскетическими опытами, которые хотя при каких-то уникальных обстоятельствах и могли быть оправданы, однако не могут быть названы общецерковными по своему значению.

Это очень важно понимать тем, кто переводит богослужебные тексты, при решении вопросов: что переводить, в каком порядке переводить, как переводить? Можно ли, переводя, сглаживать какие-то неудачные моменты и, может быть, неудачные выражения или нельзя? К тому же очень часто сами тексты позволяют перевести их так, чтобы, не уходя далеко от буквальности, переводчик находил и выражал какие-то лучшие духовные и смысловые акценты.

Если переводчик-богослов вдруг понимает, что какие-то тексты вообще не стоит переводить, что из них совсем ушла жизнь, то это может быть основанием для того, чтобы некий пласт традиции с маленькой буквы если не устранить совсем, то отодвинуть на задний план. Такое происходит и будет происходить неизбежно.

Так как переводят именно конкретные люди, нам бывают сразу видны их церковные вкусы: не случайно же один начнет, скажем, с перевода анафематствований, другой — с Триоди постной, третий — с чинов неподвижного круга, суточного и годового, или прежде всего суточного, или с неподвижных элементов чинов основных таинств и треб. Все это существенным образом связано с пониманием традиции, ведь каждый человек в своей жизни хочет успеть сделать главное. Ясно, что поэт будет в первую очередь переводить поэтические тексты, и при этом он будет неизбежно уходить от оригинала достаточно далеко, потому что иначе стихи адекватно не переведутся. Совершенно очевидно, что точно передать ритмику, образность, лингвокультурную многослойность и многозначность тех или иных выражений, использованных в богослужениях, не представляется возможным, даже если переводит гений и святой человек.

Часто говорят: как вообще можно переводить богослужение или Священное писание, если ты — не гений или не святой? Предполагается, будто переводчиками всегда занимались только признанные гении и святые. Но церковная история свидетельствует скорее о том, что гений и святость людей выявлялись благодаря тому, что они писали молитвы или делали переводы, а не наоборот. Понятно всем, что переводчики далеко не всегда были гениями, хорошими богословами и святыми, хотя часто были очень талантливы.

Но кто же тогда смеет в церкви делать богослужебные переводы? — Ответ прост: тот, кто их смеет переводить. А что получается, то и получается. Церковь же всегда должна реагировать на это по плодам и по духу. Она всегда старалась отбирать лучшее, хотя это не всегда у неё получалось. Мы это хорошо понимаем хотя бы потому, что знаем, например, что господствующей концепцией перевода в прежние века была буквалистская, когда каждое слово буквально, буква за буквой перекладывалось с одного языка на другой. А теперь мы знаем наверняка, что это в принципе далеко не лучшая методика перевода.

В Православной церкви саму возможность суждения и выбора следует дать всей церкви, а не одному лишь церковному начальству, не одним церковным предстоятелям, синодам и соборам. Еще хуже, когда окончательные

решения здесь даётся выносить неким полусветским филологическим комиссиям, скажем, при какой-нибудь семинарии или академии. Увы, у нашей иерархии встречается тенденция, скажем, снять с себя ответственность за это дело в силу своей часто недостаточной филологической и культурной подготовленности и переложить ее на подобные комиссии, работающие чуть ли не в закрытом режиме. Это, конечно, нежелательная вещь. Филологические комиссии могут иметь место, они могут работать профессионально, но перевод имеет, как мы уже выяснили, достаточно много аспектов. И филологический — не самый главный, хотя он, конечно, инструментально необходим. У нас много замечательных верующих филологов, но очень мало хороших церковных переводчиков.

Самыми главными аспектами любого богослужебного перевода лично я считаю молитвенность и пастырскую ответственность, пастырскую чуткость и опытность. Церковный переводчик обязан себя спрашивать, каким должен быть современный церковный чин? Чему из истории этого чина нынешнее время соответствует более всего? На что здесь следует опираться? На какой пласт предания надо делать основной акцент? И только внутренний опыт, глубина познания и церковная ответственность может подсказать переводчикам верные ответы на эти вопросы.

Любой переводчик должен хорошо

ределенные кусочки, параграфы и дать им определенное смысловое и действенное наименование: что они означают по смыслу и что они означают как призыв к действию. А это как раз и связано с толкованием, с глубоким пониманием и проникновением в смысл богослужения. Вот это я и называю пастырским аспектом истолкования богослужения. По моему мнению, без этого переводить его просто невозможно.

Безусловно, в нашей русской истории уже существуют многочисленные примеры прекрасных переводов богослужебных текстов. В первую очередь мне здесь хочется назвать имя профессора Евграфа Ловягина (70-е годы XIX века). Это академический профессор, блестящий филолог, который очень хорошо знал тексты, но переводил их, конечно, для научных целей, не слишком претендуя на их богослужебное употребление. Он сам хотел лучшим образом понять эти тексты и очень дерзновенно проводил свою работу. Я имею в виду, в первую очередь, пяти томник «Собрание древних литургий», выпущенный в 70-х годах XIX века в России, в Петербургской духовной академии. Достаточно хороши были, конечно, не только его переводы литургий, но и великопостных последований и песнопений, канонов и т.д.

Говоря о нашем времени, хочется в первую очередь назвать академика Сергея Сергеевича Аверинцева, который старался сочетать филологическую, бук-

хотя, как я уже сказал, на мой взгляд, важнее всего не филологическая точность, а пастырская чуткость и понимание литургической традиции, литургическая традиционность. Потом уже на втором месте — чуткость догматическая или аскетическо-молитвенная, и только затем идут филологические изыски.

Ещё крайне важно отметить, что вопросы о собственно церковном переводе богослужения вообще встают лишь тогда, когда возникают соответствующие церковные запросы и вопросы, например, о роли мирян и роли предстоятелей и других людей, которые находятся в алтаре, о месте хора и его самосознании в церкви и т.д., т.е. когда всерьез встают перед нами экклезиологические проблемы и когда мы хотим их не только решать, но и решить. Я лично считаю, что вообще нет никакого смысла говорить о переводе богослужения, например литургии, на русский язык, если нет внутренней потребности не только у предстоятелей, но и у народа вслух читать и слышать Анафору. Если Анафора не будет читаться вслух, если она будет читаться во время пения хора, то переводы — это просто некоторая роскошь, почти что блажь, потому что священникам, которые читают молитвенные тексты в алтаре обычно в спешке, скороговоркой, неважно, все ли они понимают или нет. Даже если бы у них был прекрасный русский текст, в таком стиле он бы никак целиком не воспринимался. того, что человек понимает из церковно-славянского, будучи профессионалом, священнослужителем, бывает более или менее достаточно. Тем более, что ещё существует несколько ложный, но тем не менее реальный эффект мнимого понимания богослужения, литургических текстов на церковно-славянском языке только потому, что в нём есть знакомые слова, знакомые корни, знакомые сочетания. Опыт показывает, что понимание это весьма незначительно, а нередко еще и двусмысленно, но субъективное состояние спокойствия присутствует, потому что кажется, что степень непонимания очень мала.

Итак, принципиально важно: будет ли у нас когда-нибудь молиться вся церковь, т.е. алтарь с мирянами, вместе, и будет ли она внутренне дифференцирована: допустим, вот это — оглашаемые, вот это — кающиеся, вот это — остальные миряне? Или не будет? Будет ли в нашей церкви возрождена общая ответственность за себя, за оглашаемых, за кающихся, за детей и т.д.? То есть пока наша Православная церковь не увидит самой себя как некое противоречивое и сложное единство, которое должно во всех своих страдах получать адекватную духовную пищу, до тех пор вопрос о переводах в ней не может быть поставлен всерьез.

Таким образом, проблема богослужебного перевода — это проблема вообще возрождения церковной жизни, проблема её духовного обновления, обновления Духом Святым, проблема возрождения духовных служений во всем их многообразии, в их полноте.

Пока этого не будет в нашей церкви, перевод будет лишь еще одной «золотой завитушкой», к тому же дорогостоящей. Дело здесь не в том, что переводчики требуют больших окладов, а в том, что это очень кропотливое, непростое и небыстрое дело, требующее большого вклада сил самых квалифицированных членов церкви, самых культурно утонченных и духовно чутких из них. И поэтому наш сегодняшний вопрос, конечно, экклезиологически чрезвычайно оправдан, чрезвычайно важен, и об этом, может быть, надо было бы трубить везде.

Но прежде чем говорить о конкретных переводах, давайте создадим такую духовную обстановку, где будут отношения любви между всеми верующими, где будет открытое сердце ко всем тем, кто пожелает войти в храм, где будет ответственность друг за друга, в том числе и за падших, где будет ответственность алтаря за храм, за весь народ, но и народа — за всех тех, кто в алтаре и за престолом!

Участники конференции

понимать, что существует некое многообразие чинов, что все серьезные, глубокие чинопоследования имеют свою большую историю. Можно, конечно, брать просто имеющееся чинопоследование и ни о чем больше не думать. Но это вряд ли будет лучшим выходом, просто потому, что есть много его вариантов и искажений. Нам нельзя далее воспроизводить исторические ошибки и искажения. История церкви — вещь сложная, и в ней надо находить такие чинопоследования, которые были бы наиболее адекватны современной жизни. Это и есть пастырская ответственность.

Более того, богослужение требует ещё и его пастырского истолкования. Молитва — это всегда некий призыв, молитва — это всегда некоторое действие и для священнослужителя, и для хора, и для народа, и тем более для церкви в целом. И эта действительность богослужения, которую ещё нужно восстановить, в частности через адекватный перевод богослужебных текстов, она может быть несколько разная в зависимости от того, как мы понимаем всё чинопоследование, в частности то, к чему оно приводит, где в нём основные акценты, какие действия следуют за той или иной молитвой или с тем или иным разделом богослужения. Сама способность богослужения иметь в самом себе, в самом чинопоследовании внутреннюю логику отражена во всех современных литургических исследованиях. Все литургисты и переводчики стараются как бы разбить богослужение на оп-

вально филигранную точность перевода с молитвенностью, образностью и необходимой в таких случаях небуквальностью переводов, каждый раз отмеривая эту свою свободу. Он пользовался большой свободой, но действительно ощущал и меру во всём. И поэтому его переводы, скажем, части Псалтири, в том числе богослужебно-ориентированного шестопсалмия, и его переводы некоторых иных богослужебных текстов, особенно в последний период его творчества, заслуживают очень большого внимания. Конечно, блестящие переведены им были и евангелия. Евангелие и Псалтирь — тоже богослужебные книги. Этого забывать никогда нельзя, потому что многие богослужебные тексты сориентированы на имеющиеся тексты и, следовательно, на имеющийся перевод именно этих библейских книг. Ранние попытки С.С.Аверинцева переводить ряд чисто богослужебных текстов, скажем, стихир св. Иоанна Дамаскина из чина отпевания, очень интересным образом трансформировались из года в год. Он создал несколько редакций этих переводов. Он действительно всю жизнь работал над этим, продолжая менять свои подходы. Будучи человеком традиционным и консервативным, он тем не менее был человеком очень свободным и творческим. Это пример блестящего синтеза основных качеств переводчика.

В отличие от С.С. Аверинцева многие современные церковные переводчики основной акцент делают почему-то лишь на филологической точности,

ВАЖНО БЫТЬ НЕ СТОРОННИМ НАБЛЮДАТЕЛЕМ КАКОГО-ТО ДЕЙСТВА, А ИМЕННО УЧАСТНИКОМ

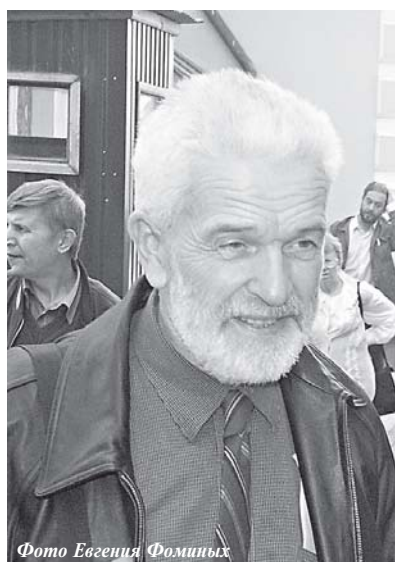

Фото Евгения Фоминых

«Кифа»: Насколько оправдались Ваши ожидания, связанные с обсуждением темы конференции?

Д.В. Поспеловский: По-моему, конференция полностью удалась. Она была очень насыщенной. Было очень много интересных высказываний, тем и т.д. Правда, сам я не был готов к обсуждению. Я просто слушал и наслаждался и целеустремленностью, и духовной чистотой и, по-моему, в какой-то степени даже кротостью. Не было ничего такого: «Вот, мы шапками закидаем!»

«Кифа»: Т.е. конференции удалось жить какой-то мирный дух не только на словах, но и в самом своем течении?

Д.В. Поспеловский: Да.

«Кифа»: Скажите, что произвело на Вас самое большое впечатление в течение всех этих трех дней?

Д.В. Поспеловский: Трудно сказать. Очень хороша была заключительная часть — выступление о. Георгия Кочеткова. Мне очень понравилось и то, что говорилось в выступлении Давида Гзгына — о соединении долга и любви.

Но есть одна тема, которая фактически не была затронута при обсуждении общин и проч. — проблема прихода. Я считаю, что это ключевой вопрос. И беда русской церкви в том, что до революции приходов тоже фактически не было. Перед первой мировой войной только-только начинались большие споры, дискуссии в печати насчет того, что приходу необходимо обладать собственностью, чтобы быть самостоятельной единицей, что церковь должна возрастать снизу, а не сверху.

«Кифа»: И чтобы он являл собой живое единство.

Д.В. Поспеловский: Да. Но эта тема не была затронута. Я хотел выступить на эту тему, но так и не решился.

«Кифа»: Это очень жалко.

Д.В. Поспеловский: Это большая тема для русской церкви. Церковь без приходской системы — это что-то такое: что сверху скажут, то и нужно делать. Беда в том, что эту тему только начали обсуждать на Соборе 1917 г. И потом все рухнуло. По-моему, сейчас очень важно бороться за приходскую систему, за то, чтобы были реальные, ответственные приходы. Ведь эти «десятки» и «двадцатки» все нереальны. Приход состоит из прихожан, которые содержат церковь, понимаете? Десять человек не могут содержать церковь нигде.

«Кифа»: А возможно ли в современных условиях существование приходов, где прихожане реально будут содержать огромные храмы?

Д.В. Поспеловский: На Западе это так и происходит. Там каждый прихожанин, вступая в приход, знает, что он ответственный и в финансовом отношении, и в социальном, и в общинном. Вот это община и есть. В нашем приходе так же: примерно в январе месяце каждый прихожанин дает обязательство о том, сколько средств он внесет за год.

«Кифа»: И сколько это в процентном отношении? Это примерно десятая или нет?

Д.В. Поспеловский: По-разному. Может быть, немного меньше — 5 процентов, 6-7. Но это и создает церковь, церковь держится на этом. Скажем, я каждый месяц обязуюсь давать сто долларов. Тогда можно что-то делать. Церковь тогда является единицей, приходом. Это касается и других сторон церковной жизни — скажем, катехизических бесед там, где они устраиваются. Важно быть не сторонним наблюдателем какого-то действия, а именно участником, и прежде всего, конечно, через литургическую жизнь.

ПОСПЕЛОВСКИЙ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Лондон, Канада) — магистр философии, почетный профессор истории Университета Западного Онтаро. Область интересов — церковь и государство в России и СССР. Член попечительского совета Свято-Филаретовского института. Автор книг «The Russian Orthodox Church under the Soviet Regime 1917–1982» (1984), «A History of Soviet Atheism in Theory and Practice and the Believer» (1986–1987), «Русская православная церковь в XX веке» (1995), «Русская православная церковь в истории Руси, России и СССР» (1996), «Тоталитаризм и вероисповедание».

Фото Анатолия Мозгова

КОНФЕРЕНЦИЯ «О МИРНОМ И НЕПРИМИРИМОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗЛУ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ»

Начало на сс. 1, 2

Свящ. Владимир Зелинский (Брешия, Италия), вспомнив свое личное участие в публикации за рубежом бесед одного из исповедников веры советского времени, обратил внимание на то, что в «религиозном самиздате» сталинской и хрущевской эпохи не было анализа земных истоков претерпеваемых скорбей. Кризисом Востока считает докладчик невидение зла вокруг себя, его спиритуализацию. Подчеркнув, что сегодня, когда история меняется так, как никогда не менялась прежде, эта позиция становится все более духовно опасной, о. Владимир задается вопросом: доколе наша православная чувствительность к любому злу, находящемуся в нашей душе, будет соседствовать с безразличием ко всему, что находится вне ее?

Тему опасности неразличения добра и зла продолжила поэт О.А. Седакова. Соглашаясь с тем, что бытовой моральный агностицизм вырастает из признания того, что окончательное разделение добра и зла произойдет уже не

тившись к святоотеческим текстам и опыту исповедников XX века, докладчик напомнил, что главным здесь было прежде всего обличение и анализ проникшего в церковь зла. Противостоять мертвящему духу «системы» святые предполагали через восстановление в ней духа общения. Докладчик напомнил, что судьба большинства святых, бравшихся за подвиг обличения, была трагична — они претерпевали гонения от лжебрай, нередко заканчивающиеся гибелью.

Завершил первый день работы трехдневной конференции круглый стол «Опыт противостояния злу в XX веке». Живые свидетельства его участников, среди которых были протопр. Виталий Боровой, прот. Павел Адельгейм, свящ. Георгий Кочетков, Н.А. Струве, В.И. Илюшенко, А.И. Огородников, Е.Ц. Чуковская, С.Ю. Юрский, Е.М. Сморгунова представили собой подробную картину мирного и непримиримого противостояния злу в сравнительно мало изученные в истории церкви и общества 60-80-е годы XX века.

29 сентября международная научно-богословская конференция «О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе» продолжила свою работу в помещениях Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы.

На заседании исторической секции прозвучали доклады, описывающие опыт противостояния злу в разные исторические эпохи как на Востоке, так и на Западе. Наибольшее число вопросов вызвали доклады прот. Павла Адельгейма и пастора Норберта Котовски.

«Жаловаться некому». В докладе прот. Павла Адельгейма, известного исповедника веры советских годов, чаще всего повторялись именно эти слова, которые он слышал и от изломанного в сталинских лагерях духовника семинарии, и от старшины на зоне, и от государственных и епархиальных чиновников. В своем докладе о. Павел ясно показал структуру темного двойника Церкви, который представляет из себя разветвленную систему, опирающуюся на насилие. В соответствии со взглядом носителей духа этой системы, епископ не пользуется властью, а является ее собственником. «Епископ — бог в епархии и соперник Христу». По многолетним наблюдениям о. Павла, клирики опасаются общения между собой. Каждый приход живет замкнутой жизнью. Объединяет всех страх перед епископом, а он подозревает всех в том, что его никто не любит. Созданные для организации общения епархиальные комитеты фиктивны, состоят только из председателей и нужны для «галочек» в отчете. Норма современной церковной жизни — беззащитность перед произволом епископа, который может пожизненно запретить в священнослужении любого, даже вопреки уставу. Практика частого перебрасывания духовенства с прихода на приход, ранее осужденная как неканоническая, сегодня получает слишком широкое распространение. К сожалению, дух системы вкрадывается не только в епархиальную практику, но и в общецерковные документы. Так, о. Павел привел в качестве примера «Временное положение о церковном судопроизводстве», в со-

Ольга Александровна Седакова.

здесь, она отметила, что одновременно он связан и с нежеланием делать усилие и испытывать глубокую, подлинную причастность к происходящему вокруг. Это становится все более насущной задачей, потому что в общественном сознании самими различными способами происходит постоянное смешение добра и зла — вплоть до поклонения злу и его носителям (Сталину, Берию, Ивану Грозному, который в народных песнях называется «надежда, православный царь»). В этой ситуации настоящим нонконформизмом является не разрушение общепринятых моральных систем, а наоборот, их утверждение.

Доклады вызвали оживленную дискуссию, затронувшую такие вопросы, как опасность гностической и по сути нехристианской идеологии евразийства, расширяющей ныне свое влияние; разницы в дореволюционных и советских искажениях отношения к своей греховности; особенности западного и восточного менталитета в контексте рассматриваемой проблемы и многие другие.

Закончивший пленарное заседание доклад преподавателя истории церкви СФИ В.К. Котта был посвящен традиции противостояния злу, которое церковь обнаруживала внутри своей внешней, канонической ограды. Обра-

ответствии с которым епархиальные суды и назначаются, и смещаются епархиальным архиереем, полностью ему подотчетны, не предполагают защиты и состязательности сторон. Эту же страшную тенденцию поддерживают и некоторые положения Устава об управлении РПЦ, закрепляющие “приватизацию власти в церкви за епископами” и узаконивающие практику перебрасывания с прихода на приход “ради церковной целесообразности”.

Пастор Норберт Котовски сумел обоснованно доказать в своем докладе глубокую связь богословия и пастырской деятельности Дитриха Бонхейфера с изначальной традицией лютеран-

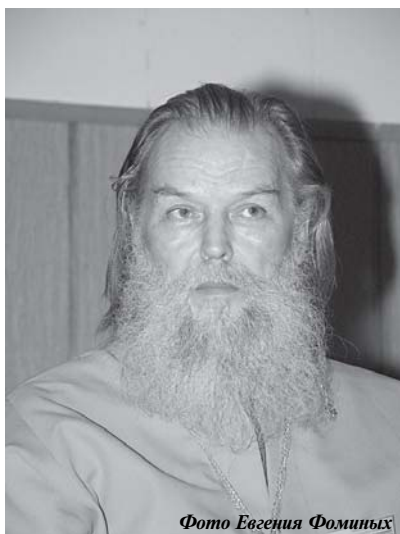

Фото Евгения Фоминых
Протоиерей Павел Адельгейм

кой церкви. По словам докладчика, более всего богословски питало Бонхейфера наследие Матиаса Флатца, автора Магдебургского послания (1580 г.). “В ситуации исповедания веры нет безразличных с точки зрения веры вещей”. Вдохновляясь этим положением упомянутого послания, Бонхейфер обосновывал право христиан на сопротивление государственной несправедливости. Бонхейфер последовательно выступал против мнимого незнания и отрицал за христианами право на глупость. Отвечая на вопросы, Норберт Котовски с грустью заметил, что наследие Бонхейфера часто лишь признается, но не воспринимается жизненно в лютеранской церкви. Главное внимание в послевоенном немецком богословии уделялось направлениям Рудольфа Бульмана и Карла Барта. Небольшая группа немецких богословов начала всерьез изучать идеи Бонхейфера сравнительно недавно.

Интересными личными свидетельствами о церковной жизни 60-80 гг., об опыте противостояния советской тоталитарной системе поделились игумен Иннокентий (Павлов) и архимандрит Августин (Никитин). В частности, о. Августин вспомнил, как в 1983 г. он, будучи инспектором Ленинградской духовной академии, пытался спасти от исключения трех студентов (одним из которых был нынешний ректор СФИ и главный организатор конференции свящ. Георгий Кочетков), задержанных за миссионерскую деятельность. Также он вспомнил некоторые яркие примеры коллаборационизма в этих духовных школах.

Работа философско-богословской секции началась докладом зав.кафедрой философии и гуманитарных дисциплин СФИ Г.Б. Гутнера “Зло как способ отношения к истине”. Докладчик считает, что на пути познания истины необходимо суметь избежать как релятивизма, так и догматизма, представляющего, по мнению Г.Б.Гутнера, наибольшую опасность на этом пути. Разрешение же этой антиномии невозможно без выхода в область трансцендентного.

Свящ. Патрик де Лобье (Женева) выступил с критикой философии постмодернизма, прежде всего Фуко и Деррида. Название доклада — “Триумф софистов: еще одно лицо князя мира сего” — красноречиво раскрывает его содержание.

Оба доклада вызвали оживленную дискуссию, продлившуюся в кулуарах, где прозвучали некоторые интересные замечания по существу докладов (так, Н.А. Струве счел подход свящ. Патрика де Лобье ярким выражением лишь одной из традиций западной богословской мысли — томизма, чей излишний рационализм мог быть одной из причин возникновения как раз тех секулярных философских систем, которые подверг справедливой критике о. Патрик).

Сотрудник Отдела религиозного образования и катехизации МП, главный редактор журнала “Путь православия” и радиостанции “Логос” В.А. Никитин в своем докладе “Национализм и вселенскость. Призвание церкви” обратил внимание собравшихся на разные оттенки, которые вкладываются в истолкование понятия вселенскости, часто воспринимаемого лишь в территориальном аспекте. Он также напомнил, что “хорошего национализма не бывает”, и положительной категорией в этом контексте является лишь патриотизм.

Религиовед Б.З. Фаликов (Москва) продолжил неоднократно возникавшую в ходе работы секции тему секуляризма. Он связал идеологическую псевдорелигиозную истерию с наследием тоталитарных режимов XX века. Обратившись еще дальше в прошлое, ученый заметил, что рационализм, породивший то, что мы называем сегодня толерантностью, не смог стать ее надежным гарантом. “Истоки истерии глубже разума, и противоядие должно лежать там же,” — заметил докладчик. Однако, по его мнению, в современном мире религии плохо справляются с задачей противостояния насилию и нетерпимости, и часто роль некоего противоядия здесь может взять на себя ответственное искусство. Продолжая эту мысль, докладчик привел несколько примеров из сферы современной драматургии.

На секции также прозвучали доклады, касавшиеся проблем секуляризации церковного искусства, специфики

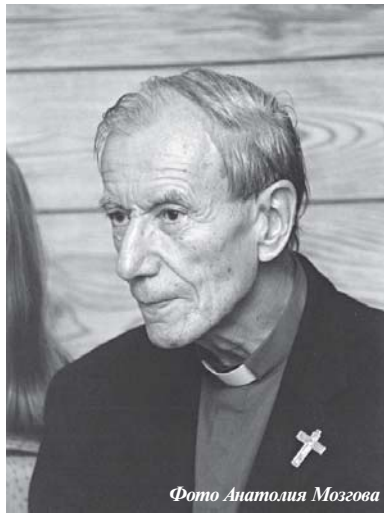

Фото Анатолия Мозгова
Священник Патрик де Лобье

взгляда на проблему зла со стороны психиатрической науки и др.

30 сентября конференция продолжила свою работу в помещении Института философии РАН. Последний день работы конференции начался семинаром «Закон Божий и закон человеческий как способ противостояния злу».

По замечанию одного из соведущих, преподавателя Свято-Филаретовского института В.К. Котта, семинар продолжил принятую на конференциях СФИ традицию междисциплинарного общения. В нем приняли участие: проф.-свящ. Георгий Кочетков (СФИ), доктор юридических наук, профессор В.Г. Графский (Институт государства и права РАН), кандидат исторических наук Е.В. Белякова (Институт российской истории РАН), а также молодые ученые - аспиранты ИГиП и магистранты СФИ.

Продолжение на с. 8

ЗЛО НАКАПЛИВАЕТСЯ И НЕ ТАК ЛЕГКО ИЗГОНЯЕТСЯ ПРОЧЬ

«Кифа»: Что бы Вы могли сказать о конференциях СФИ в целом и, в частности, о той, которая сейчас проходит?

Свящ. Владимир Зелинский, настоятель прихода «Всех скорбящих радость» в гор. Брешия (Италия).

Мне уже доводилось, кажется дважды, лично участвовать в конференциях Свято-Филаретовского Института, а когда не удавалось приехать, я посылал свои выступления. Но живое присутствие приносит мне особенную радость, прежде всего потому, что я - коренной москвич, хотя и живущий на Западе. Есть неповторимое ощущение, когда ты возвращаешься домой совсем из другой жизни. Его, может быть, не знают те, кто отлучается лишь ненадолго. С вами и среди вас я ощущаю себя дома, вхожу в атмосферу общения, которого нет нигде, кроме России. Конечно, всех людей, исповедующих Христа, я чувствую на какой-то глубине себе близкими, и все же эта среда для меня единственна. В этом году это ощущение дара встречи было для меня особенно ярким.

Что же касается нынешней конференции, посвященной противостоянию злу, то это необычная тема. Но о ней, как ни странно, всерьез говорят то слишком бегло, то слишком стыдливо. Охотно говорят о врагах и об их идеях вражеских, находят их повсюду, где хотят найти, но едва зайдет речь о зле как таковом, мы всегда становимся как-то уклончивы или косноязычны. Ибо мы не умеем или скорее не хотим вычленять загадку зла из того, что называется «тайной беззакония». Стоило бы когда-нибудь всерьез задуматься об этом различии, ибо собственно по нему прежде всего проходит разделение между теми, кто верует и теми, кто «возвращает билет». «Возвращающие билет» часто не могут принять нашего сведения зла к чьей-то неясной им греховности в том, что кажется им злом космическим. Цунами, унесшее более 250 тысяч жизней, выводимо ли из грехов человеческих? Отдаленно, отчасти, может быть, и да. И уж тем более «цунами» большого террора, который несколько раз прошелся по России в прошлом веке. И все же масштабы причиненного зла довлеют сами по себе и едва ли так прямо, так просто выводятся из непослушания Адама.

Ибо зло накапливается и не так легко изгоняется прочь. Оно — как ядерные отходы, куда их денешь? Сегодня российская наша почва отравлена отходами «реального социализма». Плюс, конечно, импорт зла отовсюду, с Запада и Востока, в немеряных количествах. Не все виды зла даже нами осознаны. И все же существует и сопротивление злу, и оно тоже часто остается невидимым, сопротивление, идущее от сердца, в котором обитает Христос. И эта борьба никогда не прекращалась в русской истории. Зримо и незримо она идет и сейчас.

Возвращаясь к нашей конференции, я думаю, что она могла бы остаться свидетельством такого сопротивления. Всякое сопротивление начинается с попытки зло осмыслить как и поиска исцеления от него. Годы наши быстро проходят, когда-нибудь это свидетельство станет «добрым знаком» ушедшей эпохи. О зле, повторяю, всегда говорят слишком мало, а вокруг его много, словно эта тема находится под цензурой. Однако у нашей веры нет цензу-

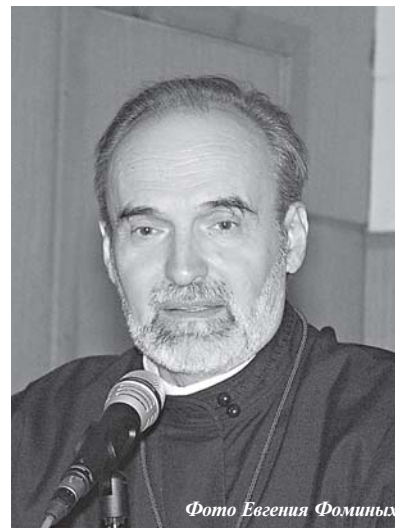

Фото Евгения Фоминых

ры, она открыта, она смеет заглянуть во все уголки человеческого существования, человеческой души, куда никто не решается войти. Войти, чтобы называть вещи своими именами.

Из докладов, которые мне запомнились, я выделил для себя выступления Ю.Н. Афанасьева и отца Георгия Кочеткова. Отец Георгий коснулся проблемы зла и семьи*, а это огромная тема. Юрий Николаевич говорил о несовместимом зле пережитого нами опыта. Мы живем в эпоху, которая сознательно отеснила на какие-то задворки памяти отраву нашего недавнего прошлого. Я думаю, что поколение, которое придет после нас, будет удивляться, что мы, едва выйдя из такого зла, не то, что не захотели в нем разобраться, но и почти перестали о нем говорить, как будто его не было, и для нас все зло свелось к пустяковым проблемам типа прозелитизма или отношений с властью. Между тем одна из задач Церкви - свидетельствовать не только о грехе внутри человека, но и о зле, творящемся в мире. Это одно из ее свидетельств о Христе, потому что Христос пришел в мир сей на суд. И всякое исповедание Христа прежде всего заключается и в обличении зла, но таком обличении, которое не должно это зло умножать. Оно должно нести тихий свет, обладающей своей неоспоримой убедительностью. И выступление о.Виктора Мамонтова, который сказал многое из того, что, в общем, было нам известно, само по себе стало удивительным приношением добра. Я думаю, что это и есть тот путь, по которому мы должны идти, чтобы приблизиться к все еще неразгаданной отравленной тайне зла.

СВЯЩЕННИК ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ (Брешия, Италия, Архиепископия Русских православных церквей в Западной Европе при Вселенском патриархате) — богослов, литератор, журналист, переводчик. Автор ряда книг и многих статей на русском, французском, итальянском и английском языках. Сотрудничает с изданиями: «Истина и Жизнь», «Церковь и время» (Москва), «Христианос» (Рига), «La Croix», «France Catholique», «Contacts», «Nouvelle Revue Theologique», «Jesus», «Mondo e Missione», «Avvenire», «Communio», «Zlatno Pero» (Загреб) и др. Участник многих международных богословских конференций. Основная область интересов — тайна веры, человек пред Богом, диалог России и Запада.

* Несколько фраз, сказанных в связи с этой проблемой в докладе о. Георгия Кочеткова, вызвали вопросы из зала и дискуссию. Прим. ред.

КОНФЕРЕНЦИЯ «О МИРНОМ И НЕПРИМИРИМОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗЛУ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ»

Начало на с. 6

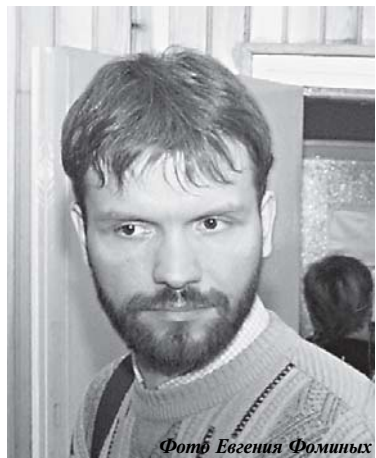
В качестве основного устремления ведущими семинара была заявлена попытка выявить правовое поле как один из аспектов диалога между церковью и обществом, богословием и правом.

В своем кратком выступлении профессор В.Г. Графский напомнил собравшимся об универсальности темы семинара: в правовых системах всех народов и во все времена рассматривался вопрос о соотношении божественного и человеческого закона. Он также упомянул о восходящем к Канту различении извечного права и изменяемого юридического закона. Докладчик познакомил участников семинара с проблематикой современной науки о праве. Он сообщил о ведущейся среди правоведов дискуссии между сторонниками приказного (командного) права (легистами) и теми, кто выводит право из принципа справедливости.

Аспирантка ИГиП Е.А. Прибыткова сделала сообщение о взглядах Владимира Соловьева на право. Великий русский философ, по мнению докладчика, был предтечей универсального признания прав человека. Столкновение Соловьевым естественного права как права на достойное существование человека, продолженное в трудах его последователей, выдающихся русских правоведов П.И. Новгородцева и Б. Кистяковского, а также о. Сергия Булгакова в пражский период его жизни, вдохновило творцов Декларации прав человека 1948 года. В частности, представителю Японии Танако Катаро при обсуждении проекта Декларации предложил «соловьевскую» формулу: «Область права - есть наименьший моральный мир». Определяя, таким образом, место права в жизни общества, Соловьев подчеркивал: «Без одухотворенности религиозным чувством меч права бессильны».

В начавшейся после выступления дискуссии было упомянуто, что В. Соловьев первый в России предпринял попытку христианского осмысления права. Это сразу поставило мыслителя в отчужденное положение с одной стороны, к его друзьям-славянофилам, привыкшим все сводить к любви, а с другой - к правоведам, для которых он никогда не был своим. Положение о первенстве Соловьева в христианском осмыслении права было оспорено Е.В. Беляковой, сославшейся на примеры русских канонистов. Эта небольшая дискуссия послужила своеобразным мостом между обсуждением проблем истории и теории права и проблем богословских и церковно-практических.

Преподаватель и методист Центра по катехизации СФИ В.И. Якунцев рассказал о современном опыте обретения смысла закона Божия в контексте катехизации. Он отметил, что «недостаточно просто откликнуться на зов Божий. Нужно утвердиться на Божьем пути, чтобы в сердце человека воцарился Христос». На этом пути закон незаменим как «детоводитель ко Христу» и уникальное средство диагностирования зла и греха.

Владимир Иванович Якунцев

«Зло есть дух. Поэтому он может быть изгнан только другим духом. Добро есть дух добра, закона, правды. На совершение греха тоже требуется свое вдохновение».

Докладчик особо остановился на трудностях катехизации. Современный человек, по его мнению, характеризуется, с одной стороны, открытостью к этике и, с другой, закрытостью к духу. Поэтому катехумены легче воспринимают конкретные нормы, чем принципы жизни.

В.И. Якунцев перечислил наиболее трудные для восприятия оглашаемых принципиальные моменты. Так, с трудом воспринимается добро как дух благодарного служения Богу. Люди не понимают, что закон есть дар, за который надо благодарить Бога. Они часто буквально не вмещают известное утверждение Писания о том, что Закон дается для того, чтобы человеку было хорошо (именно человеку, а не кому-то еще, пусть даже Богу). Добро воспринимается ими абстрактно, хотя подлинное добро всегда предполагает отношения с конкретным человеком. Плохо воспринимаются принципы целостности (нарушивший одну заповедь - нарушил весь закон) и последовательности добра, а также то, что добро всегда предполагает единство жизни человека, требует предприимчивости, активности, смелости (грехом часто является то, что человек мог сделать и не сделал).

Плохое восприятие принципа добра приводит к непониманию не только ветхо-, но и новозаветных текстов. Так, подлинное добро очень ценит точность. Неразумные девы из известной евангельской притчи именно неточны. Это было очень понятно слушателям Иисуса, воспитанным в традиции любви к закону. Для подлинного добра характерна твердость и верность. Люди часто исключают из образа Христа именно те моменты, когда он ведет себя твердо и определенно.

Добро всегда послушно Господу, но предполагает ответственность. Герой притчи о талантах, вернувший талант, не смог именно взять ответственность. В своей реплике на выступление В.И. Якунцева, о. Георгий Кочетков заметил, что современные люди часто не понимают, зачем нужен Ветхий Завет. Хочется просто подойти к Евангелию и взять все, что в нем сказано. Люди не понимают, зачем надо отвергаться своей воли. Часто за этим кроется желание своеволия под прикрытием разговоров на евангельские темы о любви и свободе. Чудо катехизации открывает новые горизонты и помогает обретению смысла закона Божия, как, с одной стороны, ограничителя зла и с другой - начала, активно противостоящего злу.

О труднейшей теме различения закона и канона в церковном предании, т.е. по существу о каноническом предании говорила И.В. Борщ, аспирантка ИГиП и одновременно магистрантка СФИ.

Она начала свое выступление с утверждения выдающегося русского православного канониста Н.П. Аксакова: «Канон - заржавленный меч». Свое сообщение И.В. Борщ представила как попытку «борьбы с ржавчиной». К сожалению, по мнению докладчицы, в настоящее время получило распространение юридизированное представление о канонах и церковных институтах. Общепринятым стало представление о канонах как о церковных законах и о соборах, как о церковных законодательных собраниях.

В Древней же церкви законы и каноны очень четко различались. Канон воспринимался как норма жизни, открытая духу, а закон как регулирующее начало, открытое правде и красоте. Поэтому каноны и каноническое преда-

ние призваны противостоять злу, а законы греху. Канон выносит суждение о том, какой должна быть духовная жизнь. Отсюда формулировка «отлучение от общения», которая далеко не сразу стала санкцией.

Канон помогает выйти из двойственной ситуации, когда человек живет по благодати только формально. Канон борется за соответствие формы и духа. А зло разрывает. Эта амбивалентность - результат действия зла в церкви. Закон расположен на границе церкви, а канон - внутри. Это положение было потеряно тогда, когда канон стал юридизироваться. Этот процесс привел к восприятию послушания как наказания, собора как законодательной палаты, служения как права.

Каноны стали выявляться в критической ситуации, а не выявлять норму церковной жизни. Пространство общения в церкви сузилось.

Каноническое предание как и догматические споры что-то всколыхнули, но не смогли удержать пространство общения. Канон стал бороться с грехом, а не со злом.

Необходимо различать канон и закон. По приведенному И.В. Борщ мнению С.Л. Франка, смещение канона и закона губительно. Оно ведет, во-первых, к мнимости благодатной жизни только по форме, а во-вторых, к применению требований закона к благодатной жизни. Исторический пример - фари-

Давид Мкртычевич Глезян

сейство, которое можно охарактеризовать как потерю дара общения. Здесь же вспоминается Адамов грех, который, по мнению Бердяева, был не нарушением закона, а разрушением общения и служения.

В ходе последующей дискуссии был поднят вопрос о возрождении богословия канонов, на что докладчица ответила: «для возрождения канонического богословия необходимо возрождение местной соборности, т.е. общинно-братская жизнь».

Заключительное пленарное заседание началось со слова ректора СФИ, проф.-свящ. Георгия Кочеткова. Сообщив, что в продажу поступил сборник материалов предыдущей конференции, о. Георгий призвал собравшихся к активному осмыслению как результатов только что прошедшей конференции, так и «составивших уже целую библиотеку» материалов, собранных и изданных за прошедшие 15 лет. «Нам очень не хватает ваших отзывов, в том числе и доброжелательной, нормальной критики», - сказал он.

За словом о. Георгия последовали доклады. В частности, историк Е.В. Белякова в докладе «Противостояние бегства и противостояние присутствия» обратилась к воспоминанию опыта церковной жизни 70-80-х годов. Описав различные пути бегства неопитов от ответственного участия в жизни церкви и общества (среди этих путей она отметила стилизованное монашество, принятие священства как некоего расписанного заранее сословного образа жизни, религиозные общины, не имев-

Елена Владимировна Белякова

шие своих правил и потому рано или поздно распадавшиеся, а также «бегство в историю»), она с горечью заметила: «Увлеченное своими успехами в православии, наше поколение не заметило тихий уход тех, кто действительно «не ходил на совет нечестивых», не был «волком по крови своей», не боялся преследований и мог пустить в свой дом тех, кто в этом нуждался».

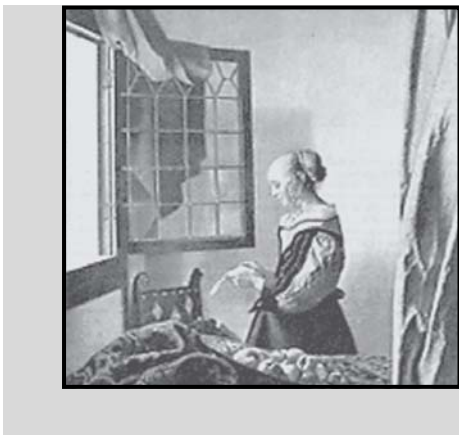
В завязавшейся после доклада дискуссии основным стал вопрос о том, есть ли сегодня преемники традиции «противостояния присутствия», не ушла ли она бесследно.

Основной задачей доклада зав. кафедрой богословских дисциплин и литургии СФИ Д.М. Глезяна «Реабилитация этики» стало утверждение пути «соединения долга и мечты». Показав глубину контекста, в котором появляется в Евангелии золотое правило этики, докладчик признал, что делать на встречу другим те шаги, которых ждешь в отношении себя (и рискуешь никогда не дожидаться) кажется абсурдным и «реализовать такую поведенческую программу возможно лишь при встрече экзистенциального центра «я» с тем «Ты», которое этот центр создало».

«К сожалению, такие конференции, как эта, проходят слишком быстро, быстрее, чем хочется, - сказал в своем заключительном слове свящ. Георгий Кочетков. - Я надеюсь, что и в следующем году мы сможем увидеться на этой конференции. Церковь все больше и больше нуждается в том, чтобы выявлять себя в жизни, насколько это только возможно на земле в историческом времени. Меня очень радует, что площадок, где она может делать это адекватно себе самой, становится все больше, и мне очень хочется верить, что эта конференция все более становится такой площадкой. Если это так, то хотелось бы не потерять этого дара, потому что тогда это дар свыше, и мы должны приносить соответствующие ему плоды».

Давайте помогать друг другу и всем тем, кто нуждается в дарах Божьих, независимо от некоторых разногласий и различия в опыте. Давайте помнить своих предшественников, опыт которых нас вдохновляет. Давайте и сами вдохновлять других. Сегодня церковь празднует память мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Это замечательный символ для всех нас. Если бы сейчас мы могли так же торжественно, как это происходит в церкви, прославить Веру Христову, Надежду на Бога и Любовь Божью под сенью Софии, Премудрости Божьей, то мы вполне могли бы оправдаться за эти дни пред Всевышним».

За три дня в работе конференции приняли участие 750 человек из 52 городов 16 стран, члены 11 конфессий и деноминаций.

Согласно расхожему мнению, самое главное во всяком деле — его начало и завершение. Мне довелось присутствовать на первом дне конференции «О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе»; о нем стоит поделиться впечатлениями.

Особое внимание хотелось бы уделить круглому столу «Преодоление зла. Опыт 20-го века», который следовал за пленарным заседанием. Предполагалось, что концептуальные размышления о фундаментальных принципах противостояния злу, высказанные в докладах, должны получить продолжение в рефлексии над практическим жизненным опытом такого противостояния. Организаторы собрали вместе людей, которым было что рассказать и из личного опыта, и из сопричастности подлинному опыту других. Действительно, прозвучало много очень интересных сообщений. Однако, вопреки задуманному, главным лейтмотивом (нервом) обсуждения явилась не тема противостояния злу, а лишь осознание того, насколько зло чрезвычайно многолико и изменчиво проявило себя в минувшем 20-м веке. И тот неутешительный факт, что опыт различения добра и зла и, что более тонко и требует больших духовных усилий, различение степеней добра и зла в том или ином историческом событии или фе-

номене — отнюдь не наличная данность, не опыт, который бы достался нам в наследство как некая компенсация за всю трагичность минувшего века. Завершился век, который явился открытой манифестацией и торжеством зла в этом мире, но на данный момент у нас не хватает разума для трезвого различения зла, чтобы просто выявить и обличить его, назвать своим именем применительно к тому или иному факту недавней истории!

Проблема усугубляется тем, что в настоящее время в России мы видим определенную тенденцию к оправданию, восстановлению в правах всего советского наследия. Это горько отметил в своем пленарном докладе Н.Струве, процитировав стихи В. Набокова (датированные 1944 г.):

Каким бы полотном батальным ни являлась советская сусальнейшая Русь, какой бы жалостью душа ни наполнялась, не поклонюсь, не примирюсь со всею мерзкостью, жестокостью и скукой немого рабства — нет, о, нет, ещё я духом жив, ещё не сыт разлукой, увольте, я ещё поэт.

Конечно, слова эти относились к советской тогда еще России, СССР, но очень трудно не заметить исторические параллели с современностью. Как и тогда, Россия вновь пытается занять пj место на арене большой политики, с которого ее «турнули», снова заставляет другие страны считаться с собой: тогда — силой вкусившей победы армии, ныне — силой благоприятной экономической конъюнктуры. Как и тогда, не было никакой воли и внятного дей-

ствия, призванных обличить и хотя бы признать все совершенное ранее зло и неправду, в первую очередь — по отношению к своему же народу.

Набирающая сегодня силу тенденция оправдания советской истории глубоко симптоматична. Неправомерно считать, что она продиктована лишь внутренней политикой нынешней власти. К сожалению, эти настроения находят глубокий отклик в наших согражданах. Это несложно понять: человеку чрезвычайно непросто жить, не ощущая преемственности своей истории, истории своей страны. Это оказывается возможным, наверное, лишь на очень короткое время, на стыках исторических эпох, когда открываются особые творческие возможности как для личного действия, так и для изменений в жизни человеческих общностей и даже целых народов. В такие моменты возникают как бы особые «метафизические» разрывы, когда обычно спокойная и плотная историческая жизнь утончается, обнаруживая прозрачность, посредством которой человеку даются особые знамения. В такие моменты и Бог, и зло обретают особые возможности для действия в истории. Человечество становится более чутким к действию духа, но, к сожалению, не только Духа от Бога, но и чуждых Ему духов и душков. В такие моменты война, которую, по слову Ф.М. Достоевского, Бог ведет со Своим противником в сердцах людей, разгорается с особой силой. Подобное происходило в России в начале XX века: всё было — и томление по новой жизни, и мечтательность, и нетрезвенность, и сознательное противление Богу, с бесовским упорством разбудить дремлющий хаос в народной душе, — всё, воп-

лотившееся позднее в трагедии 1917 г., но была и великая жажда подлинного обновления, выразившаяся в возрождении церковной жизни, приведшем к великому Московскому Собору 1917-1918 гг., а позднее — к подвигу новомучеников и исповедников внутри России и движению религиозного возрождения в эмиграции. То же самое дыхание перемен наблюдалось в конце советской эпохи, когда открывались действительно невообразимые перспективы. Было то же всеобщее томление по обновленной жизни, и даже готовность (иногда слишком горячая и нетрезвенная) забыть, отбросить все прошлое, как доброе, так и не очень — ради будущего. К глубокому сожалению, это творческое напряжение не нашло реализации, должного воплощения ни во власти, ни в обществе, ни в церкви. И неизбежно начался откат к реабилитации прошлого, вызванный страхом неустойчивости, прерванной традиции (а она действительно прервана). Такое поведение — защитная реакция на невозможность остаться без прошлого (сил на трезвую оценку, то самое обнаружение-обличение и различение зла, и на изживание его, на покаяние — недостаточно, остается только принять всё как есть, скопом). Человек действительно не может жить без прошлого, т.е. без своей истории (чтобы в этом убедиться, достаточно внимательно всмотреться в нашу жизнь, бывшего «нового гено-типа», «единого советского народа»). Но эту историю необходимо просвещать светом истины и правды, чтобы все доброе сохранялось, а зло и всякая тьма обличались и изживались. Иначе и народ, и страна в целом будут лишь накапливать болезни.

Максим ГРАНЕНКО

ВЫ ПРОСИЛИ РАССКАЗАТЬ О ХОСПИСЕ...

Я в ХОСПИСе помогаю как доброволец с 1997-года. В прежние годы получалось два, иногда три раза в неделю (были и ночные дежурства). Теперь это один раз в неделю ~ 4 часа. Там лежат онкобольные умирающие (но не только, был на моей памяти один случай СПИДа). В основном это пожилые, даже старые люди. Но есть и мои ровесники, и совсем молодые, и даже дети (главный врач, Вера Васильевна Миллионщикова, берёт их, хотя это не детский ХОСПИС, но там хорошие условия и родные могут посещать 24 часа и даже жить там). Я помогаю как доброволец, это как младший медперсонал — перестелить, покормить, сменить памперс, помочь с судном и т.д.

Но сейчас собственно на это у меня практически не хватает времени. Сейчас мое дело — это в основном помощь о. Христофору в общении с больными и их родственниками: обойти все палаты — выяснить, кто сегодня хотел бы причаститься или хотел бы, но не сегодня; выяснить, хотел ли этого сам больной или этого хотят только его родственники; если человек хочет причаститься, но это для него первое причастие, то хотя бы кратко, но поговорить и об исповеди (если человек в более ли менее адекватном состоянии) и хотя бы минимально, но подготовить. Я говорю в таких случаях, что самое главное, чтобы в сердце не было ни на кого обиды, чтобы постараться простить и самому попросить прощения, если этого нельзя сделать лично, то хотя бы в сердце. На моей памяти за эти годы было очень немного случаев,

когда разговор заканчивался тем, что человек говорил, что ему это трудно или что это для него совсем невозможно. В основном говорят, что «я ни на кого не обижаюсь и никого не обижаю». Специфика ещё и в том, что в основном все не адекватны — ведь лекарства наркотические, практически у всех...

За эти годы я общалась с несколькими монахинями — это были самые трудные случаи. Одна из них очень хорошо ко мне относилась (она преставилась три месяца тому назад), хотя и обвиняла нас с о.Христофором в протестантизме. С ней мы довольно жарко обсуждали проблему экуменизма, книги митр. Антония Сурожского ... Но у меня норма — не больше пяти-десяти минут разговора, это максимум, иначе тяжело больному человеку очень устаёт. Он может этого сам не осознавать, но это скажется потом, поэтому доброволец должен всегда в этом смысле бодрствовать.

Со многими больными есть личное общение, поэтому очень важна регулярность, и когда она нарушается и приходится пропускать по две-три недели, то я всегда это чувствую и потом приходится «входить». Несколько случаев было, когда после смерти больного общение с родственником продолжалось, и довольно долго, но это всегда была инициатива с моей стороны, а сил моих не хватало и так постепенно люди куда-то уходили, на оглашение за эти годы из родственников никто не пришёл, хотя к Богу, я думаю, пришли...

Конечно за эти годы на моих глазах было много смертей (ХОСПИС на 35 коек — каждые 2-3 дня кто-нибудь уходит). Бабушек жалко, но когда это твои ровесники или даже младше тебя... С ровесниками говорить труднее, особенно когда ситуация «не на равных». У нас правило — отвечать только тогда, когда спрашивают, даже если этот разговор последний, иногда ничего не нужно говорить, а просто — с плачущими плачь.

Помимо общения с больными и родственниками есть ещё общение со старшим и младшим медперсоналом и добровольцами. За эти годы приходилось учиться на своих собственных ошибках, сейчас самое главное то, что есть доверие к нам. Мы как бы стали неотъемлемой частью ХОСПИСа, сохраняя суверенитет, ведь мы добровольцы и не получаем никаких денег. Также у нас правило, что за причастие мы не берём денег, хотя о. Христофор шутит про некоторых бабушек: «Они считают, что бесплатно — значит безблагодатно».

Ну и самое главное, что есть часовня, где совершается не только богослужение вместе с больными и родственниками, но и крещение. У меня на памяти за эти годы было несколько особенно ярких случаев, когда умирающий человек (крестьян, естественно, те, кто в сознании и более ли менее адекватен) совершенно преображался после крещения, так что его даже трудно было узнать. Был один тоже запомнившийся мне случай, когда крещение не состоялось, потому что это было бы

Умирающая Настенька.
Мать Мария (Скобцова).
Бумага, карандаш, 1926 г.

насилием. Хотя это и было довольно давно (помню, даже советовалась с бабушкой — правильно ли поступили, что не стали крестить). Осталось в памяти имя этой девушки — Роза.

Есть еженедельная молитва обо всех новопреставленных и о всех ушедших в ХОСПИСе. За ней мы поминаем также и Сергея Сергеевича Аверинцева и владыку Антония.

Елена-Милена КОРОЛЁВА

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АВЕРИНЦЕВ: ВОСПИТАНИЕ РАЗУМА

Актковая лекция О.А. Седаковой на открытии 2005-2006 учебного года в Свято-Филаретовском институте

Дорогие коллеги, братья и сестры!

Благодарю вас, прежде всего, за приглашение выступить с лекцией, открывающей новый учебный год, здесь, где все вместе, и преподающие, и учащиеся, заняты важнейшим делом христианского, церковного просвещения. Это огромная честь для меня. Я бы добавила: незаслуженная честь, уже потому, что мне самой не пришлось, к сожалению, получить систематического богословского образования. Я рада за тех, кому теперь представляется такая возможность, невероятная во время моей молодости, и желаю им употребить этот дар самым лучшим образом.

Темой моей лекции я избрала размышление о Сергее Сергеевиче Аверинцеве, чья память драгоценна для вас и для меня — не только как благодарная память об учителе, но как память, полная будущего. Есть прекрасные люди и авторы, которые оставляют о себе память, похожую на элегию: вечное сожаление о том, что они больше не с нами. Аверинцев оставил по себе радостную память, похожую скорее на походную песню. Сказанное и написанное Аверинцевым ободряет и не перестает сообщать новые и новые смыслы и темы. То, что он сообщает нам, не только не исчерпано: мы едва начинаем черпать из этого источника. Я знаю, что именно здесь, в этом кругу слово Аверинцева всегда находило и — я надеюсь — будет и в дальнейшем находить самое глубокое внимание, признание, усилие его практического применения. С печалью можно отметить, что именно там, где всего естественнее было бы ожидать воздействия мысли Аверинцева, в родной для него профессиональной среде, в академической гуманитарной науке, к настоящему моменту присутствие Аверинцева очень мало ощути-

мо. Кто Аверинцев «по профессии»? Сложность ответа на этот вопрос смущала его самого. Он слишком много кто по профессии. Филолог-классик, византист, библист, исследователь европейской и русской культуры, историк религии, переводчик и комментатор множества текстов на древних и новых языках (среди них — сочинения Платона, Аристотеля, Плутарха, Ефрема Сирина, Фомы Аквинского; латинская, греческая и сирийская литургическая поэзия; ряд ветхозаветных книг; ранние христианские апокрифы и синоптические Евангелия; немецкая и французская поэзия 19 — 20 веков). Уже одно это (далеко не полное) перечисление кажется удивительным. Но есть в Аверинцеве нечто еще более удивительное, чем широта интересов и способностей и несравненная эрудиция в каждой из этих сложнейших областей: любой его труд в отдельности и вся его деятельность в целом не укладываются в известные рубрики гуманитарных «специальностей» и жанров.

Прежде всего, филология, «любовь к слову», по определению Аверинцева, «служба понимания»: понимания в собеседовании читателя и текста, читателя и автора («Наш собеседник древний автор», одно из первых его публичных выступлений). Мысль Аверинцева, начавшего с «Похвального слова филологии», никогда не перестает быть филологичной, то есть самым насущным образом связанной со словесной реальностью, с конкретными текстами, с фактами языка (в этом его отличие от таких мыслителей, как Бердяев и вообще вся русская религиозная мысль). Интересно, что такой — по существу филологический, лингвистический — комментарий порой говорит куда больше в духовном смысле, чем множество толкований. Так я помню его поразительные семинары в МГУ, посвященные исследованию слов «кроткий» и «нищий» (из Заповедей Блаженств) на материале библейского иврита, арамейского,

греческого (вряд ли по нашим привычным представлениям мы бы назвали «кротким» Моисея — но Св.Писание говорит о его образцовой кротости! Стоит задуматься). После такого комментария расширительные толкования кажутся уже вторичными и необязательными. Это первый урок Аверинцева: прежде всякого осмысления и толкования — простое (то есть профессиональное) понимание слова, иначе толкование окажется фантазией на тему, пусть даже очень благочестивой фантазией.

Однако мысль Аверинцева выходит за пределы собственно филологического анализа и вступает в области философии (общей антропологии и этики) и богословия (экзегетики и христианской апологетики). Если говорить точнее, следует переменить вектор на противоположный: мысль Аверинцева исходит из некоторых начал, более общих, чем те, которыми располагает обычно «предметный» филолог (вообще предметный гуманитарный ученый), и отсюда спускается к своему конкретному предмету. Мы можем сказать, что эти самые общие начала — его христианская вера: вера не в бытовом употреблении слова, то есть безотчетная убежденность в чем-то, а вера как принадлежность ума определенной смысловой системе, доктрине, широте, глубину и свободу которой мало кто знал так, как Аверинцев. Мысль его дедуктивна по своему существу. Новое время решительно предпочитает метод индукции, то есть движения от факта к смыслу. Другой путь понимания оно назовет догматичным (так же в бытовом значении слова «догмат»). Однако это недоразумение. Несомненно, позитивистская мысль так же дедуктивна, не сознавая того или отказываясь это признать. Общая посылка, из которой она исходит, — фундаментальный агностицизм. Следует полагать для начала, что никто ниже его ни о чем не знает. А это тоже догмат, и похестче старых.

Аверинцев исходит из того, что кое-что достаточно хорошо известно, и это нас в нашей умственной работе отнюдь не стесняет, а наоборот, дает огромные возможности видеть вещи правдивее. Его ясная — и именно в силу своей ясности — крайне нетривиальная мысль, охватывающая эпохи и языки, находящаяся связи в самых отдаленных явлениях культурной истории, уникальна по своей «жанровой» природе: это мысль одновременно филолога и философа, антрополога и богослова, историка и просветителя, аналитика и ритора, христианского апологета и политического мыслителя.

Самым общим предметом своих занятий он считал человеческое понимание. Я думаю, это важнейшая тема христианского строительства души. Понимание вещей (не обязательно выраженное отчетливо для самого человека, чаще как раз нет) предшествует не только всякому нашему действию, но и созерцанию.

Как мы помним, в университетских лекциях, переводах и статьях Аверинцева атеистическая власть всегда — и с полным основанием — подозревала «религиозную пропаганду»: иначе говоря, проповедь нового типа. Новым (или забытым со святоотеческих времен) в ней была концентрация не на воле человека (с которой чаще всего стремятся работать церковные проповедники), а на его уме, на возделывании ума, ментальности человека, культуры различий и пониманий, без открытости сознания реальному положению вещей человек фатально обречен на тяжелые заблуждения. Из двух авторитетных антропологических концепций Средневековья — интеллектуалистской и волюнтаристской — Аверинцев несомненно примыкает к первой. И как мне представляется, для нашего времени обращение к уму, к самому составу ума, к его

навыкам понимания актуальнее, чем обращение к эмоциям и воле. По ходу лекции я попытаюсь обосновать это предположение.

Имя христианского просветителя подходит Аверинцеву как очень мало кому в истории нашего отечества, да и всей христианской ойкумены. Вот одно из свидетельств, принадлежащее его старшему другу и коллеге, С.Г. Бочарову: «филолог Аверинцев оставил нам свой энциклопедический словарь не просто важнейших понятий — важнейших слов нашей жизни («любовь», «спасение», «чудо», «судьба» и многое другое)... Этот филолог был светский проповедник, в выступлениях на разные темы походивший формулировавший уроки поведения...»¹ Позволю себе сразу же уточнить: это были уроки не столько поведения, сколько обращения к тому источнику, из которого проистекает всякий жизненный выбор, всякое поведение — к человеческому разуму и к *virtus humana* (русский перевод: «добродетель человека» — значительно сужает смысл). Словами самого Аверинцева это можно назвать «этической перспективой, свободной от поверхностной морализации»². Моей сегодняшней темой будет не этическая компонента слова Аверинцева сама по себе, а попытка определить ее своеобразие — действительно, огромное своеобразие учительства Аверинцева, для которого сделанное им отрицательное уточнение — «свободное от поверхностной морализации» — имеет решающее значение. Морализация не этична — вот один из первых уроков Аверинцева (почему? Да хотя бы потому, что в ней содержится неуважение к собеседнику). Не этична (грешна, на обычном языке) поверхностность (хотя бы потому, что мы позволяем себе умственную лень и самоуверенность).

Поскольку речь о просвещении неизбежно вызывает образ темноты, которую оно просвещает, с темноты я и начну. С первой темноты, которая приходит на ум, — с темноты нашей современности. О нашем времени (времени высокой и высочайшей технологии, небывало открытого и всеобщего доступа к любой информации и т.п.) чуткие мыслители часто говорят как о времени «нового варварства», «новых темных веков». Это не местная, российская, а всеобщая ситуация.

Однажды мне довелось увидеть такую поразительную и при этом совершенно характерную картину. Я ехала по Иудейской пустыне и, как все, кому пришлось поводить эти места, поражалась сохранности ландшафта: «все как тогда», и совершенно библейские стада, и бедуины с ними, «совсем настоящие», неподвижные... Когда один из таких неподвижных бедуинов оказался в различной близости, я разглядела, перед чем он замер, погруженный, как казалось издала, в свою бедуинскую медитацию: перед телевизором! В доисторической пустыне, под библейскими небесами в своей вечной позе он не отрываясь смотрел в экран: на экране мелькали знакомые сполохи рекламы и по всей каменистой степи разносилась поп-музыка, та самая, которой меня мучат дачные соседи в тульской глубинке. Да, нам здесь досталась одна культурная эпоха, один ритмы и цвета, в Южной Африке и в Японии, в Сибири, в Стамбуле и в Умбри. Голос — господствующий голос этой цивилизации — везде как будто поразительно не «свой», везде кажется, что он приходит из какой-то чужой дали: но дверь открыта, он вошел, и этого гостя уже не выгонишь. Он хозяйничает. Если считать то состояние, в котором пребывал бедуин до приобретения телевизора, «старым» или «традиционным» варварством (теперь, в эпоху поликультурализма так говорить не принято), то его приобщение к новому иначе как глубоким падением не назовешь. Как известно, музыка архаического общества

сложна, его цветовое восприятие изощренно — а как красив язык дописываемой культуры! Это не «я горю, я вся во вкусе» (слова того рода, какие поют по телевизорам всех стран на всех языках). Но главное: все, чем располагает архаическое общество, имеет своей целью сосредоточить человека, включить его в общение с вселенной, видимой и невидимой. Любая традиционная культура человека возделывает: «актуальная» его раздвигает. Поп-культура обещает нас «рассеять» («развлечь», «расслабить») и «отключить». Опыт таких регулярных «отключений» производит, вероятно, необратимые изменения всего человеческого восприятия, слуховых, зрительных способностей. Даже при желании снова «включиться» потребитель «расслабленный» может обнаружить, что «включать» ему нечего. Что того слуха, того зрения — того внимания, которое необходимо, чтобы воспринять вещи глубокие, тонкие, «целые» — у него нет. Ему останется утверждать, что таких вещей и вообще не существует. Что мы постоянно и слышим, и вроде бы уже не от носителей поп-культуры, а от интеллектуальной элиты современности. Связь нигилизма (или цинизма) с тупостью восприятия, с утратой чуткости (или сознательным отказом от нее) для меня несомненна. Неслучайно опыт душевного воскрешения часто описывается как возвращение слуха, зрения и т.д. — как это передано в пушкинском «Пророке» или у американской поэтессы Эмили Диккинсон:

И будто я была глуха —

Но Слово Бытия

Из дальней Жизни мне пришло —

И ныне слышу я.

Новое варварство — прежде всего варварство психофизиологическое. Оно, искажая сам аппарат восприятия (под предлогом облегчения «стрессов», перегрузки восприятия), загоняет человека во все более герметично замкнутый от всего другого, чем его элементарнейшие волеизъявления, мир. Сергей Сергеевич с замечательной проницательностью заметил, что, между тем как наше время бранят чаще всего за его «потребительский» характер, оно обладает еще более важным дефектом: тягой к абсолютной герметичности — которая понимается как безопасность. Любая открытость несет в себе риск — поэтому в целях safety, security следует пристегнуть привязные ремни и опустить шторы иллюминаторов. А куда летит этот безопасный лайнер и кто у руля управления — не наше дело.

Я надеюсь, вы не решите, что я собираюсь и дальше обличать масскультуру и глобализм и описывать наше время как исключительно, беспримерно темное, последнее. Совсем нет. Это просто зарисовка той реальности, с которой по необходимости связано современное просвещение. У других времен есть своя темнота. Да и отвлекаясь от всех времен, своя темнота есть у каждого из нас, и требует своего просвещения.

Мой друг английский католический профессор богословия Доналд Никкол, рассказывал, что он начинал свою лекцию с просьбы: «Посидите минуту молча и почувствуйте себя. А теперь почувствуйте, что рядом другие. Теперь начнем». Темнота современности — совсем новая темнота, новое невежество: отключение какой-то первой чувствительности.

Кстати, одно из свойств «нового варварства», варварства одичавшего не чувствующего себя рационализмом — причислять к «темноте» все непонятное и необъяснимое, исходя из презумпции, что объяснить можно и нужно все, и чем элементарнее объяснение — тем лучше. Одним из уроков Аверинцева было напоминание о необходимости принять существование вещей не внятных разуму: существование таких вещей вовсе не поднимает его (разума) ценности, но только указывает на предел его дееспособности.

Непонятное и необъяснимое может быть очень светлым.

«Христианский просветитель» - как ни странно, непривычное соединение слов. Я еще вернусь к нему, но пока подумаем о другом не менее странном словосочетании: «христианский гуманизм». Н.А.Струве первым назвал Аверинцева «христианским гуманистом» - и по нашим привычкам это звучит почти как оксюморон (соединение несоединимого). Ища в истории людей, которых можно было бы причислить к «христианским гуманистам», мы теряемся: где же такие? Пять имен? Два имени?

Казалось бы, где как не в христианстве так - за пределами - высоко ставится достоинство человека? Даже суббота для него, а не он для субботы: иначе говоря, не человек инструментален в отношении святости, а наоборот! Эта невероятная смелость мало оценена. Так почему же представление о «гуманизме» так трудно связывается с христианством и мыслится едва ли не противоположным ему? (Вероятно, стоит уточнить, что, говоря «гуманизм», часто имеют в виду простую гуманность, просто доброе и уважительное отношение к человеку. Но даже такое содержание кажется многим несоместимым с христианской этикой, которая понимается следующим образом: человек грешен, шадить его не надо, для его же духовной пользы его следует «строжить» и «смирять». В результате такой строгой православной школы мы можем оказаться свидетелями того, что обычный человек на улице добрее, снисходительнее и почитательнее к ближнему, чем усердный прихожанин, который взялся всей душой исполнять роль неподкупной полиции нравов или духовного пограничника. Но я говорю в целом о другом, более концептуальном смысле гуманизма: о гуманизме как особой традиции воспитания «человека человеческого»).

Классические гуманисты Европы с их кличем *Ad fontes!* (К истокам!) под истоками имели в виду классическую античность, которую, в их глазах, от человечества скрывали «темные века» христианского Средневековья. Достоинство человека, которое они отстаивали, было совсем другого рода, чем библейское и христианское. У греческой античности была своя интуиция божественности человека, «смертного бога» или «смертного друга богов» (как заметил Гете: «говорят обычно, что греки очеловечивали своих богов, на самом же деле они обожествляли человека»). Для этой антропологии темы тварности и грехопадения - а вместе с ними, и искупления и воскресения - просто не существенны. Чистейшее проявление божественного бессмертного начала в человека - его свободное культурное творчество (во всяком случае, со всей определенностью так стало в возрожденной античности итальянских гуманистов и их европейских последователей; вероятно, Платон и Аристотель с этим бы не согласились). Человек-художник, человек-мыслитель - это герой классического гуманизма. Из этого импульса возникло все свободное искусство, свободная мысль Европы последующих столетий, которые совсем не обязательно были боготорческими или антиклерикальными - но явно требовали себе автономии внутри цивилизации, которая именовалась христианской. Гуманистическое движение обещало человеку радость и свободу мысли, чувства, тела, забытые за века аскезы, покаяния, плача о собственных грехах, страха вечного осуждения, «презрения к миру сему» ради мира будущего. Но в этом космическом энтузиазме с самого начала был некоторый надлом (см. сочинения одного из первых гуманистов, Петрарки) и очень быстро в действие вступил скепсис, который стал определяющим настроением «чистого» или «секулярного» гуманизма в новейшее время. История гуманизма сама по себе - не моя сегодняшняя тема. Моя тема - христианский гуманизм, как мы его понимаем, когда называем так позицию Аверинцева.

Возможно ли соединить «человека античного» с «человеком христианским»? По существу, видимо, нет. Особенно очевидным это становится в случаях большой близости - таких, как случай «языческого христианина» Сенеки. Не соглашаясь с трактовкой Сенеки у В.В.Библина («Античное христианство»), я думаю, что этот пример еще раз показыва-

ет, как христианство не может «естественным путем» вырасти из языческой почвы: эти семена, семена веры, сходят с небес.

И в случае «христианского гуманизма» речь не идет о соединении двух антропологий, двух теологий. Речь идет о том, что вызов гуманизма напомнил церкви о том, что было в ее средневековой практике оставлено в стороне. Это оставленное было ни больше ни меньше как природой. Христианские суждения как будто слишком поспешно соскальзывали в сверхприродное - и не могли сравниться в своей мысли о природе с тем, что собрали века мудрости языческой по своему происхождению. Здесь я вижу причину того, что и теперь высказывания проповедников о вещах непределах часто выглядят такими плоскими и отгаликивающими, «морализующими».

Природа же человека, напоминает Аверинцев, - другого порядка, чем природа животного мира: это природа культурная или культуротворческая: да, природа, а не «духовность», к которой у нас машинально относят все культурные проявления человека. Другой, внекультурной природы у человека нет, как бы не искали ее «философы жизни» или материалисты (то есть, нет человеческой жизни вне мира значений, смыслов, символов - как нет человека вне языка). Это замечательно показывал Аверинцев. Он напоминал о реальности природного, которое так часто исчезает в духовных размышлениях в дихотомии «демонического» и «ангельского», рая и ада. Природное, третье, не нейтрально в духовном отношении, а сложно: оно благо как все, что создано, - но оно отнюдь не «крайнее благо», не благодать. С так понятным природным (человеческим природным - а человеческое природное словесно, то есть символично) Аверинцев связывал искусство, науку, государство. Сложное же требует сложного отношения к себе: не категорического отвержения - но и не безусловного притяжения. Оно требует усилия понимания и различения. Отказываясь от «высокой», «сложной» культуры, мы получим не «естественного» внекультурного человека - а человека, принадлежащего некачественной культуре. И вовсе не более «простого», а куда более сложного и запутанного, поскольку некачественная культура очень сложна, она строится не на ясном основании, у нее нет несущих конструкций; она представляет собой систему подпорок, которые держат друг друга. Снаружи это не слишком приглядно, а внутри просто опасно.

Если классический гуманизм был склонен неприродную словесную природу человека обожествлять, то историческое христианство, следует признать, всегда было склонно ее демонизировать (сводя познавательный и творческий импульс человека к гордыне, любознательству, самоутверждению и предлагая культурный минимализм как самый безопасный путь к спасению). Предложение Аверинцева, не допускающее ни того, ни другого, мне представляется гениально правдивым. Природа человека, то есть его способность жить в смыслах и создавать смыслы, прекрасна и интересна, как любая другая природа - иначе говоря, как все творение, и человеческое понимание так же может славить Творца, как это делает свет звезд или пение птиц. Но - в отличие от звезд и птиц - может и не славить. Дальше, выше природы действует дух, то есть свобода обойтись со своей природой так или иначе, посвятить ее Богу или скрыться с ней в кустах, как это сделал Адам.

Последствия и перспективы, исходящие из такого видения природы человека, огромны. Я оставляю их вашему размышлению.

Теперь, как я обещала, о другом странном словосочетании - христианское просвещение. С просвещением, просветительством накрепко связано воспоминание о французском эпохальном движении Просветителей 18 века - еще более отчетливо секуляризирующем, антиклерикальном перевороте, чем классический гуманизм. Со времен Дидро и Вольтера, говоря о «просвещении», имеют в виду прежде всего «борьбу с предрассудками», с некоторой хтонической тьмой, в которой кишат чудища, порожденные сном разума, - и к ним едва ли не в первую очередь относят традиционные верования

(но и вообще все традиционные установления, не выдерживающие «суда разума»). К такой тьме (уже в нашем веке) стала относиться вся психическая жизнь человека, пока она не просвещена лучом психоанализа (характернейшего плода Просвещения) и потому управляется своим «подсознанием». Безумная «культурная революция» в нашей стране была несомненным детищем Просвещения, века разума (ибо светом, изгонявшим тьму, был для Просветителей человеческий разум и его истины). У этого века много детей, и не все так уродливы, как наше политпросвещение (хотя его глубокое противостояние церковной традиции не требует обсуждения). В конце концов все образованные люди нашей цивилизации поневоле, не выбирая этого для себя - дети просвещения: «все мы послепросвещенческие монстры», как однажды выразился Аверинцев. Навык постоянной рефлексии, рационализации, редукции высшего к низшему, деконструкции уже не вынешь из душевной организации современного человека - человека, которому «переломили хребет детства» (здесь я цитирую Владимира Вениаминовича Библина с полным сочувствием). Послепросвещенческое образование, к которому мы приобщаемся в первом классе начальной школы, глядя на картинку «Круговорот воды в природе», заставляет нас отказаться от всего того пути, по которому шел разум детства, - и который естественным путем пришел бы к совсем иной картине мира, чем наша «научная»: быть может, к чему-то подобному античной натурфилософии. Резервация допросвещенческой картины мира хранится разве что в классическом искусстве, которому этот «умственный инфантилизм» дозволяется ему в силу его «эстетического» (то есть несущественного для реальной жизни) статуса.

Можно сожалеть, что все сложилось так в нашей культурной истории, но происшедшего не отменишь. Многочисленные бунты против Просвещения и его «разума» дают лишь чрезвычайно неприглядные опыты дикого иррационализма, обыкновенно фашизоидного типа. Что же можно сделать с Просвещением, нашей несомненной культурной колыбелью? Что можно сделать с классическим рационализмом? Его можно просветить. Труд Аверинцева во многом и можно назвать просвещением Просвещения.

Ведь исходно просвещение - это христианская реальность. Как все здесь понимают, «Просвещение» - другое традиционное именование Святого Крещения. Христианская весть состояла в сообщении Истины, которая несла человеку свет и свободу. На современном жаргоне это непременно включало в себя и «борьбу с предрассудками» - за которую мученики платили жизнью. С «предрассудками» (то есть традиционным благочестием) римского государственного язычества и с «предрассудками» (то есть священными уставами) иудейской традиции: противники христиан, как известно, называли их безбожниками и богохульниками, для которых не свято то, что свято для всех остальных людей. Позвольте личное признание: и теперь, для себя, я узнаю человека как истинно христианского, когда в нем заметна та особая свобода, которую сообщает Истина, и то особое бесстрашие, которое сообщает Любовь: «отсутствие предрассудков».

Просвещение христианства также говорит о свете разума, о свете знания: «Рождество Твое... возсия мирови свет разума». Очень легко отметить, что и разум здесь иной, и знание иное (таинственное), чем у французских Просветителей. Но главное отличие, мне представляется, все же в другом: свет освобождающей Истины был и светом Жизни (бессмертной или воскресшей Жизни) и светом Любви. Ни любви, ни жизни Новое Просвещение своим адептам не обещало. Что должно было произойти в случае окончательной победы естественного разума над тьмой предрассудков? Человечество должно было разумно - то есть, справедливо, свободно, рачительно, удобно - устроить свой мир. Должно было наступить всеобщее благополучие, и нравственное, и политическое, и хозяйственное. Здесь мы и видим всю недалекость, можно сказать, фатальную глуповатость ума Просвещения, который как будто знать не знает о реальной природе человека и мира. Оптимизм просвещен-

Ангелы. Фрагмент Гентского алтаря. Ян ван Эйк. 1432 г.

ческого проекта пережил страшное крушение в результате опыта 20 века. Состояние глубокого разочарования, которым отмечена современная цивилизация, так глубоко именно потому, что обещания Просвещения и рационализма были так уверенны.

Тем не менее, другой, альтернативной рациональности так и не возникло. Бытовое сознание нашего современника питается теми же просвещенческими посылами (так называемая «научная картина мира») в их мутной непродуманной смеси. И вот здесь, наконец, мы подходим непосредственно к теме моей лекции: к тому, на что была направлена просветительская энергия Аверинцева - и что это значит для христианского и церковного общества. И теперь, увы, мне придется быть краткой.

Аверинцев, как я уже говорила, воспитывал ум своего читателя и слушателя. Его ум был сильным, светлым, ровным. Казалось, нет предмета, который оказался бы непроницаемым для такого ума. Однажды, говоря о различии собственно духовного и интеллектуального труда (он никогда не считал собственное дело духовным в том строгом смысле, в каком духовным для него было дело молитвенного подвижника; он не любил, когда эти вещи не различали), он заметил: но одно их определенно объединяет. Это отталкивание от бытового настроения (я цитирую неточно, по памяти), от бытовых привычек души.

Бытовой ум, бытовое употребление понятий и слов, бытовые навыки умозаключения - привычный ужас, в котором мы живем - это и есть по существу то, что называется «материалистическим мировоззрением». Дело здесь вовсе не в материи. Таким же образом можно думать и говорить и о самых возвышенных предметах. Это сознание, которое ничего с себя не требует, «не переспрашивает себя», словами Аверинцева, не проясняет того, чем пользуется как само собой разумеющимся, прихватив все это где попало. Иррациональная смесь обрывков самого бедного рационализма.

По ходу разговора мне уже пришлось коснуться некоторых свойств этого материалистического ума. Уверенность в том, что все по частям рациональным образом объяснимо - и с другой стороны, такая же уверенность в том, что целое абсолютно иррационально (этому Аверинцев противопоставляет сложную идею символа, не переводимого до конца в понятие - символа как основной единицы, из которых сложена человеческая культура).

Уверенность в том, что все в мире механически детерминировано, причем ближайшим образом и «снизу», - и при этом абсолютным случайно (этому Аверинцев противопоставляет понимание вещи в широком, широчайшем контексте, показывая ее дальние связи и отголоски, необходимость и одновременно свободу ее явления).

Неприятие сложности, допущение исключительно тотально действующих закономерностей: или так всегда и везде - или никогда и нигде. «В некоторых случаях и некоторых местах» - такого рода обобщение здесь не пройдет. Механичность такого рода связывается обычно с образом точных наук - тогда как сами

Продолжение на с. 12

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АВЕРИНЦЕВ: ВОСПИТАНИЕ РАЗУМА

Начало на с. 10

эти точные науки разработали куда более сложные и парадоксальные и далекие от бытового сознания представления о причинности, закономерности и т.п.

Особенно впечатляет работа Аверинцева с самыми общими навыками мысли: прежде всего, с мышлением дихотомиями, парными противопоставлениями вещей, смыслов и т.п. Современное мышление как будто не предполагает другого пути кроме как механический перевод всех смыслов в системы бинарных оппозиций (тем более, что на основании такого дерева оппозиций строится искусственный интеллект, и достижения в этой области не могут быть подвергнуты сомнению).

Аверинцев с особым веселым удовольствием любит спорить с двумя противоположными вещами сразу, и в его полемических выпадах - направо и сразу же налево - есть особый кураж: он обычно не опровергает одного мнения с тем, чтобы тут же не воздуть должного противоположному. И чтобы в конце концов дать понять, что не так уж полярны эти полярности, поскольку обе они в равной мере противоположны чему-то еще: чему-то здравому и отвечающему положению вещей как внутри нас, так и снаружи. Оба они противоположны центру подвижного равновесия как два элементарных уклонения от него. Противоположны живой подвижности как конвульсивные метания - или как окаменелость. «Золотая середина» Аристотелевой этики принята им как познавательный метод. Он напоминает о здравомыслии (греческое *sophrosyne*, иначе переводимое как «целомудрие»), слове античной мудрости и христианской аскетики. Это слово, вероятно, - одна из напряженных точек синтеза традиций «Афин» и «Иерусалима», одной из главных тем Аверинцева.

Можно сказать, что новая рациональность, которую выражал Аверинцев и которой он учит нас, это одновременно сопротивление дурному иррационализму - и плоскому дурному рационализму. Здесь, в сложном взвешивании собственных умственных движений и в собеседовании с предметом (у меня уже нет возможности остановиться на этом важнейшем принципе Аверинцева) вырабатывается софросюне, здравомыслие, целомудрие. Та установка ума, которая всегда предпочтет понимание истолкованию.

Обязательна ли эта школа для христианина? Не довольно ли ему «простоты сердца»? Несомненно, довольно. Но между этой совершенной простотой и нашей непроходимой сложностью лежит, пользуясь образом Аверинцева, река невежества, невежества умственного и сердечного. Его труды перекидывают мост через эту реку. Вероятно, такой мост не потребуются тому, кто может ее переплыть, перелететь, пройти по воде как посуху. Мы не должны сомневаться, что и такое возможно.

¹ С.Г.Бочаров. Аверинцев в нашей истории. - Вопросы литературы, 2004, № 6.
² София-Логос, с. 421.

СЕДАКОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва) - поэт, прозаик, переводчик. Кандидат филологич. наук, почетный доктор богословия Европейского гуманитарного университета (Минск). Первая книга стихов «Ворота, окна, арки» вышла в Париже в 1986 г. В России публикуется с 1989 г. Лауреат литературной премии им. Андрея Белого (1982), Парижской премии русскому поэту, премии фонда Альфреда Топфера (обе - 1992 г.), Европейской премии поэзии (1996), литературной премии им. Вл. Соловьева, учрежденной Ватиканом (1998), Солженицынской премии (2003). Член попечительского совета Свято-Филаретовского института. Книги стихов: «Китайское путешествие», «Стелы и надписи», «Старые песни», «Путешествие волхвов. Избранное» и др., а также поэтические сборники на европейских языках. Статьи в различных сборниках и периодических изданиях, отечественных и зарубежных. Двухтомник «Стихи», «Проза» (2001). Книги переводов с европейских языков. Монография «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян» (2004). Словарь «Церковнославянско-русские паронимы» (2005).

АНДРЕЙ РУБЛЕВ В ИТАЛИИ

Уже более 10 лет маленький католический монастырь в итальянских Альпах собирает в своих стенах на ежегодную конференцию пестрое многонациональное и многоконфессиональное научно-богословское общество. Католики, протестанты и православные из разных стран в течение нескольких дней, перековав мечи на орала, дружно «падут» на заседаниях и круглых столах.

Географическое название монастыря -

Бозе, по крайней мере, русским участникам навевает вполне определенные церковно-славянские ассоциации (они удачно реализовались в статье об одной из первых конференций: «Восток и Запад встретились в Бозе», - «Православная община», № 26).

Тем более что темы конференций неизменно связаны с одним: духовным опытом Православия, преимущественно русского. Священник Павел Флоренский, преподобные Сергей Радонежский, Серафим Саровский и Нил Сорский, палестинские, афонские и оптинские старцы, русская святость, Иисусова молитва... По итогам конференций издано 12 толстых сборников докладов на итальянском языке и, что не менее, если не более существенно, - переводы текстов многих православных свв. отцов.

В этот раз (15 - 17 сентября с.г.) тема конференции вновь была связана с Россией: «Андрей Рублев и русская икона». Более 200 участников, среди которых было 12 епископов и 29 священников, услышали 16 докладов на русском, итальянском, французском и английском языках. Основной вклад в раскрытие темы конференции внесли известные московские историки искусства Ольга Попова, Ангелина Смирнова, Анна Яковлева и др. Правда, сблизить с Рублевым кого-то из русских иконописцев, даже учитывая сомнения в принадлежности его кисти некоторых, обычно приписываемых ему изображений, было чрезвычайно трудно...

К некоторому сожалению, серьезные проблемы в большинстве случаев лишь назывались. Пафос докладов (за исключением одного, - с повторением «ветхих» обвинений о. Сергия Булгакова в «ереси софиологии») был положительным, «катафатическим». Стоит заметить, однако, что светские исследователи нередко выглядели богословски более основательными, чем их коллеги в рясах. Так, попытка несколько одностороннего истолкования рублевской «Троицы» в

докладе прот. Николая Озолина (Св.-Сергиевский богословский институт в Париже) была аргументированно, со ссылкой на слова св. Максима Исповедника, исправлена сотрудником Третьяковской галереи Леоном Нерсесяном.

Впрочем, возможность обсудить заинтересовавшие каждого проблемы в личном разговоре была предоставлена участникам конференции в изобилии, поскольку почти все они жили, молились и трапезничали непосредственно в самом монастыре. Это позволило им укрепить уже существующие и установить новые дружеские и братские связи, что также, несомненно, вошло в духовный «актив» конференции.

Возвращаясь к ее началу (точнее, ко дню, предва-рившему ее открытие), хочется вспомнить еще одну «радость в Бозе», - совместную поездку в церковь Богоматери в Кастельсеприо, недалеко от Милана, в которой сохранились фрагменты фресок VIII-IX вв. Их особенность - в невероятной художественной свободе, с которой написаны привычные евангельские сюжеты и отдельные фигуры святых. По своему духовному и «формальному» динамизму эти фрески стоят особняком во всей истории средневековой живописи. Во многом это объясняется тем, что они были созданы до окончательного сложения византийского иконографического канона. Соприкосновение с «доканонической» эпохой напомнило о том, что лучшие фрески и иконы (особенно «Троица»), связанные с именем инок Андрея Рублева, тоже несут на себе печать удивительной творческой свободы. Свободы, которая не отвергает канон, но поднимает над его установившимися пределами.

Александр КОПИРОВСКИЙ,
участник конференции

Благовестие Иосифу. VIII-IX вв.
Церковь Санта-Мария, Кастельсеприо. Фреска в апсиде

ВЫШЕЛ СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЕРА-ДИАЛОГ-ОБЩЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВА» ПАМЯТИ С.С. АВЕРИНЦЕВА

Российским государственным гуманитарным университетом и журналом «Вестник Русского христианского движения». Она собрала около 800 человек из 14 стран.

Доклады, прозвучавшие на пленарном заседании, познакомили участников конференции с опытом диалога между церковью и обществом. Кроме того, они выявили серьезные проблемы диалога и со стороны церкви (доклады проф. Никиты Струве «Основные проблемы диалога церкви с обществом и опыт рус-

ской эмиграции», проф. Жоржа Нива «Нужна ли сегодня религия западному обществу?» и др.), и со стороны общества (доклады академ. Юрия Афанасьева «Взгляд невоцерковленного на трудности диалога с Русской православной церковью», актёра и режиссёра Сергея Юрского «Всё включено» и др.).

На конференции проблема диалога рассматривалась по трем различным направлениям: историческому, культурно-философскому и общественно-политическому. Сборник знакомит читателя не только с прозвучавшими докладами, но и с сопровождавшей их дискуссией. Кроме того, публикуются материалы прошедшего в рамках конференции семинара «Правовое и каноническое: правопонимание в церкви и обществе», круглого стола «Мы призваны в общение: проблемы церковно-общественного диалога и опыт С.С.Аверинцева», а также воспоминания об акад. С.С. Аверинцеве, прозвучавшие на состоявшемся вечере памяти этого выдающегося ученого и христианина.

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ - ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомину (ул.

Николаямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «YMCA-Press».

Телефоны распространителей:
Москва: (095) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); **Тверь:** 8-082-250-2308 (Олег Ермолаев); **Архангельск:** 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); **Северодвинск:** 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.